

СВЕТЛАНА СОЛОВЬЁВА

Повернуть судьбу

12+

Светлана Соловьева

Повернуть судьбу

«Автор»

2018

Соловьева С. П.

Повернуть судьбу / С. П. Соловьева — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-93842-7

Роман "Повернуть судьбу" является первым романом трилогии "Женская доля". Светлана и Ольга — две подруги с тяжелыми, трудными судьбами. Жизнь Светланы полностью меняется после того, как открывается история её рождения. Ольга, живя со страшной тайной гибели мужа в тайге, через многие годы узнаёт насколько мучительной была его смерть. Но всё плохое когда-то проходит, и они становятся счастливыми. Судьба, соединившая Светлану с Андреем, открывает возможность найти потерянных ещё в годы ВОВ членов большой семьи, корни которой уходят в два следующих романа трилогии "Женская доля".

ISBN 978-5-532-93842-7

© Соловьева С. П., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	22
Глава 7	27
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Светлана Соловьева

Повернуть судьбу

Глава 1

Светлана медленно шла по-небольшому, с обилием разнообразных фонтанов и кованых скульптур, дворику. Появилось ощущение, что она попала в другой мир, в другое измерение времени. Как будто открыла дверь и шагнула из большого шумного города в уютную, красивую сказку. На душе было спокойно, и это ощущение становилось всё больше и больше.

Войдя в открытую дверь подъезда, Светлана расстегнула плащ и, не спеша, начала подниматься по лестнице большого элитного дома. Она и не знала, что бывают такие просторные и красивые парадные. Широкая лестница, с плавными поворотами, как в театре, высокие потолки украшены лепниной. Медленно поднимаясь, держась за массивные полированные перила, она шла, разглядывая множество цветов, переплетённых с листьями и гроздьями винограда, спускающимися с потолка. Красиво, как будто в настоящем саду!

Светлана шла, прислушиваясь к тихому, но чёткому шагу за своей спиной, сопровождающего её мужчины.

– Какая-то непонятная и невероятная история?! – незаметно оглядываясь и прислушиваясь, думала она. – До сих пор не могу поверить, что всё это происходит со мной. Не верю, что мама, которая растила меня и всегда была рядом – не моя родная мама?! И что мама, которая меня родила, но по чьёму-то злому умыслу, не растила и не воспитывала – совсем другая, незнакомая мне женщина, которая жила в Лондоне и была женой миллионера. Как так? Почему? Я не могу поверить, что всё это происходит со мной?!

В это действительно трудно поверить. Просто невозможно осознать, что такое может произойти! Прожив большую часть жизни, с определёнными чувствами и, как казалось, с родными людьми, вдруг всё в одночасье рушится, всё это – оказывается не твоим. Такое впечатление, что ты жил не своей – чужой жизнью. Перестаёшь понимать, кто ты, чью жизнь ты прожил и почему всё это произошло именно с тобой?

Светлана не могла и не хотела в это верить! Она думала о случившемся не желая, чтобы это было правдой. С того самого момента, как всего несколько дней назад на крыльце магазина, в котором она работает, её остановил мужчина, она жила в не проходящем страхе.

– Здравствуйте, – вежливо сказал мужчина. – Вы Калинина Светлана Александровна?

Она внимательно посмотрела на высокого, смотревшего глубоко посаженными непонятного цвета глазами, мужчину в длинном чёрном пальто и атласном шарфе.

– Да, это я! – решив, что это покупатель, спокойно ответила Светлана. – Я вас слушаю.

– Я помощник адвоката Григорьева Владимира Викторовича, адвокатской конторы «Art line», – учтиво представился мужчина.

Светлана с интересом ждала, не задавая вопросов. Мужчина, по выправке похожий на военного, спокойно, сдержанно показал удостоверение в открытом виде.

– Светлана Александровна, Владимир Викторович приглашает вас в адвокатскую контору на беседу, – внимательно рассматривая стоящую перед ним красивую женщину, проговорил мужчина.

– Чем могу быть полезной? – выслушав, спросила та, не понимая, о чем идёт речь.

Мужчина убрал удостоверение в карман и хотел ответить, но в это время из магазина вышли две девушки. Они остановились и возбуждённо разговаривая, громко смеялись.

– Может быть, пройдем ко мне в кабинет, там и поговорим обо всём? – чтобы девушки не мешали их разговору и, поняв, что этот мужчина не покупатель, предложила Светлана.

– Да, конечно! – учтиво ответил тот.

Не торопясь, но довольно быстро, Светлана шла в сторону своего кабинета по длинному залу магазина, в котором проработала без малого двадцать лет. Мужчина шёл за ней. Открыв дверь кабинета, Светлана вошла внутрь.

– Заходите, пожалуйста! Присаживайтесь, – она вежливо пригласила гостя, указав на большое кожаное кресло у стены.

Удобно расположившись, мужчина положил портфель на колени и терпеливо ждал, когда она будет готова для дальнейшего разговора. Светлана сняла плащ и прошла на своё рабочее место. Опустившись в высокое, мягкое кресло внимательно посмотрела на гостя.

– Я вас слушаю! – деликатно сказала она.

– По поручению адвоката Владимира Викторовича, – с готовностью начал говорить мужчина, – я хочу пригласить вас на ознакомление с завещанием, – положив на стол перед Светланой визитку, добавил: – Вот адрес, Светлана Александровна, по которому вам необходимо прибыть в любое, удобное для вас, время.

Она внимательно посмотрела на визитку, прочла и подняла глаза на помощника адвоката ничего не понимая.

– Какое завещание? – в недоумении спросила Светлана.

– Я не уполномочен, ещё что-то сообщать, извините, – без капли эмоции, спокойно ответил мужчина. – Вы узнаете всё при личной встрече с Владимиром Викторовичем.

– Ничего не понимаю? – в растерянности произнесла Светлана. – Вы уверены, что нужна именно я и это не ошибка?!

– Да, мы в этом совершенно уверены! – спокойно продолжал отвечать мужчина. – Вы, Калинина Светлана Александровна, отец Горбунов Александр Петрович. Не сомневайтесь, мы тщательно всё проверили, к тому же у нас есть ваше фото. Вот посмотрите, пожалуйста! – вытащив из кармана фотографию, он передал её Светлане.

– Странно, – долго, с интересом рассматривая фото, произнесла та, – но откуда у вас эта фотография? Я ничего не понимаю, я никогда так не фотографировалась?

– Но это вы?

– Да, конечно!

– Светлана Александровна, не сомневайтесь. Ошибки быть не может! Вы позже сами поймёте и убедитесь в этом полностью. Вам нужно встретиться с Владимиром Викторовичем.

– Нет, не могу поверить? – продолжая удивляться, с сомнением произнесла Светлана. – Всё равно – это какая-то ошибка?! У меня нет богатых родственников и некому мне оставлять завещание.

– Ошибки никакой нет, – спокойно, коротко ответил мужчина.

Чтобы полностью разобраться в этой ситуации, Светлана решила встретиться с адвокатом.

– Хорошо. Завтра я подъеду, и вы убедитесь, что ошиблись! – ответила она, взглянув в ежедневник, лежавший на столе и, прочитав намеченные мероприятия на следующий день, сказала: – В четырнадцать часов я буду по указанному адресу.

– Мы можем прислать за вами машину, – так же спокойно, уверенно предложил мужчина.

– Спасибо, не нужно. Я приеду сама.

– В таком случае, завтра в четырнадцать часов мы вас ждём. Вам необходимо принести с собой: паспорт, свидетельство о рождении и свидетельство о браке.

– Хорошо! – внимательно выслушав, ответила Светлана.

– Приятно было познакомиться, Светлана Александровна, – сказал мужчина, не спеша встал и немного наклонившись вперёд, откланялся прощаясь, – всего доброго!

Светлана, искренне удивляясь, смотрела на гостя.

– До свидания! – немного растерянно, ответила, ему уже в спину.

Мужчина взглянул на неё и, кивнув, вышел. Она долго сидела, в недоумении рассматривая визитку, не понимала до конца, что всё-таки сейчас произошло? Какое завещание, от кого? Из всех, кого она знает некому оставлять ей завещание. Остаток дня и весь вечер у неё в голове вертелся один и тот же вопрос – что будет завтра, какое завещание?

Глава 2

На следующий день, собираясь на работу, Светлана сложила в сумочку документы, которые сказали принести в адвокатскую контору. Спокойно доработав до обеда, в двенадцать часов, поехала по указанному адресу. Дорогой думала о том, что сейчас всё выяснится и окажется, что это – ошибка, и весь остаток дня она будет переживать о впустую потерянном времени.

Её ждали. Адвокат – пожилой мужчина, тщательно причесанный, в строгом тёмно-сером костюме, встав с кресла и быстро прошёл навстречу.

– Здравствуйте, Светлана Александровна, рад вас видеть! Я адвокат Владимир Викторович, – подойдя, учтиво сказал он. – Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Как доехали? Зря отказались от машины – это тоже часть нашей работы.

– Здравствуйте! – опускаясь на предложенный стул, ответила та. – Спасибо, не стоит беспокоиться, я прекрасно добралась.

Обменявшись стандартными фразами, не задавая вопросов, Светлана терпеливо ждала. Владимир Викторович вернулся на место и, опустившись в кресло, поправил пиджак.

– Чай, кофе? – спросил он.

Светлана не хотела ни чая, ни кофе, она хотела поскорее закончить эту, как казалось, не нужную встречу.

– Нет, спасибо! – ответила она.

– Можно ваши документы, Светлана Александровна, – попросил Владимир Викторович.

Вытащив из сумочки документы, Светлана положила их на стол. Помощник адвоката, стоявший за спиной, передал документы Владимиру Викторовичу. Тот, просмотрел внимательно, прочёл и вернул помощнику.

– Позвольте сделать копии? – посмотрев на Светлану, спросил Владимир Викторович.

– Если в этом есть необходимость, то сделайте, – пожав плечами, ответила та.

Помощник адвоката, отойдя к стоящему у стены принтеру, сделал копии. Закончив, положил документы и копии перед адвокатом, и вышел из кабинета.

– Ну вот, Светлана Александровна, мы с вами остались одни и нам никто не помешает, – когда закрылась дверь, произнёс Владимир Викторович, – я уполномочен передать вам конверт с письмом, – поймав удивлённый взгляд, молчавшей Светланы, он сдержано, с пониманием происходящего, сказал: – Пожалуйста, не удивляйтесь всему, что сейчас узнаете!

После этой фразы, Светлана разволновалась. Не зная, чего ожидать, почувствовала, что внутри всё задрожало. Владимир Викторович вытащил из ящика письменного стола конверт и, держа в руках перед собой, внимательно смотрел на Светлану.

– Это письмо от вашей матери, – медленно проговорил адвокат.

Светлана удивлённо, не произнося ни слова, смотрела на него. Владимир Викторович протянул конверт, почему-то при этом виновато улыбаясь.

– Мама же умерла? – в растерянности проговорила Светлана.

– Не удивляйтесь, Светлана Александровна, – держа конверт в вытянутой руке, ответил он, – но Неля Витальевна – не ваша родная мама!

Светлана смотрела на адвоката, не столько с удивлением, сколько со страхом и непонятным ужасом.

– Как?! – шёпотом, почему-то испугавшись, спросила она.

– Возьмите письмо, – тихо произнёс Владимир Викторович. Он ждал, когда наконец-то Светлана на смелится и возьмёт большой жёлтый конверт, но видя, что та не может решиться и со страхом смотрит на письмо, сказал: – Прочтите и вам всё станет понятно.

Несмело протянув руку, Светлана взяла конверт. Глядя на адвоката и не понимая до конца, что он сказал, смотрела на конверт боясь заглянуть внутрь.

– Читайте, я не буду вам мешать, – произнёс Владимир Викторович.

Встав с кресла и, положив перед Светланой документы, отошёл в сторону. Расположившись за маленьким столиком у окна, налил кофе и тихо сидел, со стороны наблюдая за Светланой. Она с волнением вскрыла конверт и, растерянно взглянув на Владимира Викторовича, начала читать:

«Здравствуй, моя милая, моя золотая, девочка! Здравствуй, Светочка!

Наконец-то наступил тот день, когда я могу назвать тебя так. Прости за то, что не растила и не воспитывала тебя. Это самая большая боль и самая страшная мука всей моей жизни. Я совершила чудовищный поступок не только по отношению к тебе, но и к себе. Прошу тебя не суди, не выслушав и не узнав всей правды. Умоляю!

Мне тогда было всего семнадцать лет. Молоденькая, глупая девчонка. В Севастополе я встретила Александра – твоего отца. Приехали отдельно, а вернулись вместе. Оказалось, что мы из одного города. Я думала, что это – судьба!

Я не знала, что у него жена и двухлетний сын. Там, в Севастополе, он не говорил об этом.

Мы вернулись домой в родной город. Только тогда, при расставании, он и сказал, что видеться мы будем не часто, потому что у него семья. Со мной он тоже не хотел расставаться, потому что полюбил. Мне нужно было прогнать его, но я не смогла!

Александр ничего не обещал, просто мы были вместе. В кино, в театры он меня не водил. Приходил вечером на пару часов и всё. Я его очень любила! Поэтому была рада и счастлива этим коротким встречам.

Через год, после нашего знакомства я родила девочку – тебя, Светочка! Жить было негде, я жила на съемной квартире. Александр оплачивал за неё, но деньгами не помогал. Квартирная хозяйка предупредила, что с ребёнком я ей не нужна! Мама моя, к этому времени, уже умерла. Идти было некуда. Я осталась одна: без помощи, без поддержки, а ведь мне было только восемнадцать! Где жить с ребёнком я не знала? Выпишут из больницы и куда, к кому? Мне некуда было идти, я осталась одна, совсем одна на всём белом свете!

Когда Александр узнал, что я жду ребёнка, перестал приходить. Иногда заходил, только для того, чтобы уговорить сделать аборт, и принести деньги за квартиру. До самого последнего срока, пока не стало поздно, он меня уговаривал избавиться от ребёнка. Несмотря ни на что я счастлива, что не послушала его! Убить собственными руками ребёнка, который был под сердцем, не смогла. Я счастлива, что этого не сделала! Но в тот момент реальность пугала меня: жить негде, не на что, мысли были даже покончить с собой. С ребёнком под поезд и всё! Но ты-то в чём виновата? Лежала я на больничной койке и, не зная, что делать, рыдала с утра до вечера. Одна добрая тётенька и подсказала мне.

Я позвонила Александру и пригласила в парк рядом с больницей, как раз в день выписки. Нас с тобой выписали в срок. У меня и у тебя, Светочка, со здоровьем всё было хорошо, ты родилась крепкой и здоровенькой девочкой. Комплект на выписку я приготовила, а больше детских вещей не было никаких! Вышла из больницы, стою и не знаю, придёт он или нет. Александр не обманул, пришёл. Я, чтобы он не успел опомниться, быстро подошла и отдала тебя. Вложила ему в руки кулёчек и сказала: «Забирай – это твоё!» и убежала. Я так быстро бежала, что он не успел даже закричать вслед.

Незаметно я вернулась. Стояла и наблюдала из-за угла. Очень боялась, вдруг оставит тебя на лавочке. Как я тогда плакала, сердце рвалось на кусочки. Но, что делать? Не писать же отказ при живых родителях? Если бы Александр оставил тебя на лавочке, я конечно забрала. Не знаю, чтобы дальше делала, но не оставила – это точно! Он посидел немного, поглядел на кулек и пошёл. Я как кошка осторожно кралась за ним. На моё удивление, он пошёл домой.

Позже я наводила справки, чтобы не потерять тебя из виду, вдруг отдаст в детский дом. Оказалось, что Александр принёс тебя жене и сказал, что ты его дочь. Они зарегистрировали тебя как своего ребёнка. Я тогда успокоилась, что если ни с родной матерью, то хотя бы с родным отцом будет ребёнок.

Я благодарна Неле Витальевне за тебя! Тогда я была слишком молодой, чтобы понять чувства всех, особенно её. Представляю, что было у неё на душе, когда Александр принёс ребёнка! Однако же, она тебя приняла, вырастила и называла дочерью. Главное – не отдала в детский дом.

Украдкой я ходила к их дому, в надежде увидеть тебя. Меня Неля Витальевна не знала, поэтому я подсаживалась на лавочку, чтобы осторожно заглянуть в коляску. Ты была такой хорошенькой! Я мысленно разговаривала с тобой, просила прощения, с трудом сдерживая слёзы.

Через два года, я вышла замуж и уехала с мужем в Лондон. И много лет ничего не знала о тебе. Муж не любил детей. Поэтому детей у меня больше не было. Три года назад он умер. Я любила его и переживала уход, но после похорон одной в Лондоне стало плохо, захотелось домой в Россию. Я продала бизнес мужа, дом и вернулась. Купила квартиру в «Тихом центре» и живу одна.

Если ты меня простишь или хотя бы захочешь увидеть, я буду безумно счастлива! Я очень хочу познакомиться с тобой и девочками. Умоляю, прости меня!»

Светлана прочла письмо и сидела молча, до конца, не понимая того, что происходит. В какой-то момент казалось, что она спит и видит сон: страшный, непонятный сон, который закончится и всё будет как прежде. В другой момент ей казалось, что это чей-то розыгрыш и сейчас выйдут люди, и скажут, что снимают скрытой камерой. Но шло время и ничего не происходило. Она продолжала молча сидеть.

Владимир Викторович поняв, что Светлана закончила читать и, дав время осмыслить прочитанное, встал и подошёл к столу.

– Прочли? – спросил адвокат.

Она даже не прореагировала на слова, сидела как в тумане ничего не слыша. Владимир Викторович подошёл и, опустившись в кресло, внимательно наблюдал за Светланой.

– Я понимаю, Светлана Александровна, как тяжело это осознать и насколько это неожиданно для вас, – не услышав ответа, обстоятельно сказал Владимир Викторович. – Но этот факт вашей биографии теперь исключить из вашей жизни просто нельзя. Это уже случилось! – он смотрел на Светлану и ждал ответа, но она продолжала молчать, глядя на письмо. Виновато улыбнувшись, он осторожно сказал: – Светлана Александровна, вы похожи на свою маму.

– Я похожа на отца! – вскинула на него глаза и резко ответила Светлана.

– Ваши родители очень похожи, я видел фотографии, – понимая её состояние и чувства, которые творятся в душе, как можно мягче, Владимир Викторович произнёс: – Ваша мама много лет следит за вашей судьбой. Мои помощники делали ваши фото, и отправляли ей в Лондон.

– Вы у меня спросили?! – жёстко осведомилась Светлана. Она злилась, очень злилась и не старалась этого скрыть.

– О чём «спросили»? – переспросил Владимир Викторович, не поняв вопроса.

– Разрешения! Кто разрешил? Нет! Кто позволил фотографировать нас с девочками?

– Мне понятно, что вы чувствуете, – не обращая внимания на резкие слова, Владимир Викторович продолжал спокойно говорить. – Ваша мама очень любит вас!

– Почему она так долго молчала? – чувствуя, что расплечется, с трудом сдерживая себя, с хрипом в голосе, спросила Светлана. – Почему раньше не объявилась? Прошло сорок пять лет!

– Она, своим появлением не хотела обидеть Нелю Витальевну, а после её смерти сразу же приехала.

– Чем бы она обидела маму?

– Неля Витальевна вырастила вас, как свою дочь и появление родной матери, в её возрасте, было просто нежелательно. Она ведь сильно болела? На мой взгляд, Светлана Викторовна всё сделала мудро!

– Светлана Викторовна?!

– Да, вашу маму зовут Светлана Викторовна. Она назвала вас своим именем, как постоянное напоминание Александру о себе, – адвокат замолчал, дав Светлане время успокоиться. Она молча смотрела на письмо, до конца не понимая, что произошло в её жизни.

– Вы готовы встретиться? – осторожно спросил Владимир Викторович, не дождавшись ответа.

– Не знаю, – сухо, с трудом выговаривая слова, ответила Светлана, взглянув на него печальным, каким-то потерянным взглядом. – Я не могу в это поверить?!

Видя, что Светлана немного успокоилась, Владимир Викторович пытался как-то поддерживать её, понимая, что это – вдруг неоткуда свалившееся известие, нанесло большую душевную травму.

– Да, жизнь иногда преподносит такие сюрпризы, – тихо, сочувственно произнёс он. – Вы уж мне поверьте! Живёшь в отлаженном, привычном ритме и вдруг наступает такой момент, что всё переворачивается с ног на голову и судьба полностью меняется.

– Да уж, – посмотрела на него и тихо ответила Светлана, – такого поворота судьбы и таких изменений в жизни я не могла и предположить?!

– Что же сделаешь, раз судьба так повернулась к вам? Когда-то она развела вас с матерью по разным дорогам и вот пришёл момент, когда эти дороги сошлись. Главное, что у вас есть время и возможность всё исправить! Светлана Викторовна, мечтает с вами встретиться, – Светлана взглянула на него, но ответить не было сил. Понимая это, он добавил: – Если вы не готовы сегодня поехать, давайте перенесём встречу, мы это предполагали. Вам нужно подумать, осмыслить всё. Нужно время, чтобы успокоиться. Я завтра позвоню и узнаю, о вашем решении. В любом случае захотите Вы или нет познакомиться с родной матерью, на ваше имя открыт счет в Центральном банке.

– Зачем? – устало произнесла Светлана.

– Вы её единственная наследница! Она хочет вернуть вам то, что не дала в жизни, – протянув конверт, сказал Владимир Викторович. – Возьмите, здесь вся необходимая информация. Светлана с такой тоской посмотрела на него, что он замолчал.

– Мне ничего не нужно, – тяжело, устало поднимаясь со стула, сказала она. – Я, наверное, пойду.

Владимир Викторович не настаивал на том, чтобы Светлана взяла конверт. Он понимал насколько ей тяжело.

– Вас отвезут! – положив конверт на стол, предложил он.

– Нет, не надо, я сама, – машинально задвинув стул и не глядя на адвоката, ответила Светлана.

– Светлана Александровна, – осторожно спросил Владимир Викторович, – можно я завтра позвоню?

– Звоните, до свидания! – печально произнесла та, бросив на него взгляд полный горя и тоски.

Выйдя из кабинета, и пройдя мимо многочисленных помощников, Светлана быстро вышла на улицу.

– Почему так произошло, – с грустью думала она, медленно направляясь в сторону дома, – в чём я была виновата, за что меня бросила родная мама и как жить дальше с чувством прожитой чужой жизни?!

Светлане казалось, что на неё взвалили непосильную ношу, но её нужно нести, нельзя сбросить и вздохнуть свободно.

Глава 3

Приехав домой, не раздеваясь, Светлана легла на диван. Всё тело ломило, в голове что-то стучало и сердце колотилось так, что сбивалось дыхание. То, что она сегодня узнала о себе, о тайне своего рождения, полностью выбило из колеи. Она лежала в тишине, глядя в одну точку на потолке. На душе было гадко и противно. Кажется, что так плохо не было никогда, хотя в её жизни бывало разное!

– Мама, мама, надо же! – с болью и тоской Светлана думала о своей жизни. – У меня другая мама?! Почему? В чём я была виновата? За что судьба меня так наказала? А ведь я чувствовала, что меня не любят, что я не нужна, что я чужая. Всю жизнь ощущала себя лишней. Как же было плохо и тяжело от этого! Никогда не понимала, почему мама меня не любит, почему постоянно злится. С самого детства и всю жизнь, пока я не вышла замуж и не переехала от неё, я чувствовала себя ненужной. Оказывается, всё просто: я не была ей дочерью, я была плодом греха мужа. Как же она могла меня любить? Почему со мной всё это произошло? За что? О Господи, как тяжело! Тяжело ещё и от того, что в то время, когда я страдала и мучилась, моя родная мамочка жила счастливо. Оказывается, в это время она преспокойно жила в Лондоне. Жила и наслаждалась жизнью! – Светлана, надрывно вздохнула. Так было плохо, что даже не хотелось плакать. Она, скрипнула зубами и с совершенно несвойственной ей злостью и жестокостью, подумала: – Светлана Викторовна. Значит, вас тоже зовут Светланой? Хотите меня увидеть, познакомиться? Хорошо, я увижусь с вами и скажу, как жила – никому не нужная. Расскажу, как было тяжело, ведь я была одна, совсем одна. Всё детство одна! Я хочу, чтобы вы знали это и мучились. Ведь оказывается, всё это из-за вас!

Пришли дочери Светланы.

– Мама, мы дома! – увидев мамины туфли и сумочку, из коридора громко крикнула старшая дочь Алёна.

Смеясь, девочки вошли в комнату и резко остановились, увидев маму, лежащую на диване с измученным видом.

– Мама, ты заболела? – подошла и, испуганно, спросила Алёна.

Светлана медленно села на диване. Сил совсем не было. Она и в самом деле заболела от этой новости. Сердце учащённо билось, в голове, как в кузнице, стучали молоточки.

– Нет, девочки, нет, мои хорошие, я здорова! – вздохнув, посмотрела на дочерей и, пытаясь улыбнуться, устало произнесла она.

– Мама, а по твоему виду не скажешь, – не веря её словам, взволнованно сказала Алёна. – Что случилось?

– Ксюша, подай, пожалуйста, сумку, – попросила у младшей дочери Светлана, и чтобы немного успокоить их, попыталась улыбнуться.

Ксюша сбегала в коридор и принесла мамину сумку. Светлана вытащила конверт и подала старшей дочери.

– Алёна, прочти, пожалуйста. Читай вслух, я хочу ещё раз послушать, – она отдала дочери конверт, а сама, навалившись на спинку дивана, молча ждала, прикрыв глаза.

С испугом, Алёна поглядывала на маму. Быстро скинув ветровку, опустилась на стул. Вытащила из конверта письмо и, с непонятным страхом, взглянула на сестрёнку. Ксюша сидела на диване, от волнения теребя ручку портфеля.

Алёна начала читать. Читая, несколько раз прерывалась, поднимала удивленные глаза на маму. Ксюша тихо сидела на краешке дивана. Вытащила из кармана платок и от волнения теребила его, с удивлением, широко открытыми глазами, поглядывая по очереди то на маму, то на сестру.

Закончив читать, дочери смотрели на Светлану.

– Мама, что это? Я ничего не поняла? – немного подождав, в недоумении спросила Алёна.

– Мама, это что получается? Баба Неля не наша бабушка? – как в замедленном кадре, переведя взгляд с сестры на маму, удивлённо спросила Ксюша.

– Вы любили её, она любила вас, значит, она и есть ваша настоящая бабушка! – со вздохом произнесла Светлана.

– А кто же тогда эта женщина? – глядя на маму, продолжала спрашивать Ксюша.

– Как выяснилось, моя родная мать! – устало ответила Светлана.

– И что с этим теперь делать? – подсев к маме, спросила Алёна, показывая глазами на конверт.

– Не знаю? – вздохнув, произнесла Светлана. – Она хочет встретиться.

– А ты что?

– Я, наверное, встречу с ней. Хочу кое-что спросить. Потом решим, что с этим делать!

Не ужиная, Светлана легла спать. Девочки весь вечер на кухне долго, возбуждённо шептались, потом уgomонились и тихо, чтобы не разбудить маму пошли спать. Но Светлана не спала. Лежала с открытыми глазами вспоминая свою жизнь, с горькой обидой думала о детстве.

Сейчас многое из поведения матери и отца становилось понятным. Всё сразу встало на свои места! Она всё детство жила с чувством, что подкидыш, что никому не нужна и о ней никто не волнуется и не беспокоится. Её никогда не искали, если задерживалась, никогда не спрашивали голодна или нет, никто не интересовался, как она учится и чем живёт, в отличие от брата. С самого детства, с момента, когда начала понимать, Светлана видела разницу в отношениях мамы к ней и к брату.

Прожив уже длинную жизнь, Светлана старалась не вспоминать детство и никогда, никому о нём не рассказывать. Сегодняшний день разбудил все детские обиды. Она вспоминала и вспоминала трудные и неприятные ситуации, которые мучительно переживала ребёнком. Теперь всё становилось понятным. Она и в самом деле была подкидышем – никому не нужным ребёнком! Мама любила и занималась только братом, а папа или пил, или сидел, понурив голову, не замечая никого. Как осколок от чашки, она хотела быть вместе со всеми, но не могла – её просто не допускали, а иногда и отталкивали. И всё что происходило было из-за того, что её бросила родная мама. Вот причина этих постоянных оскорблений и незаслуженных наказаний и унижений!

Светлана довспоминалась до того, что расплакалась и уткнувшись в подушку, тихо, чтобы не услышали девочки, плакала, пока не уснула.

Глава 4

Как и обещал, Владимир Викторович позвонил на следующий день. Светлана сообщила о своём намерении встретиться со Светланой Викторовной. Ей хотелось посмотреть той в глаза и спросить, почему она лишила совсем маленького ребёнка матери, любви и заботы, которой Светлана не знала в детстве? Сказать этой женщине, что она была никому не нужна и жила как волчонок. И это было по её вине!

В назначенное время за ней пришла машина. Светлана спокойно села на заднее сиденье черного Мерседеса, удивляясь тому, что не волнуется и не боится этой встречи.

Машина подъехала к новому дому в «Тихом центре». И вот, Светлана медленно поднимается по лестнице, держась за массивные, полированные перила.

На третьем этаже помощник адвоката обогнал её и хотел нажать на звонок, но дверь резко открылась. Отступив, сопровождающий мужчина пропустил Светлану вперёд.

Они стояли напротив друг друга и молчали. Хозяйка была взволнована, но старалась держаться. Прямая как струна, в строгом костюме, белой блузке, волосы собраны в аккуратную причёску, на лице чуть заметный макияж. Светлана молча рассматривала свою родную мать: такие же чёрные брови с красивым изгибом, прямой аккуратный носик с узенькими, как прези ноздрями и такие же немного пухловатые губы. Стоявшие, напротив друг друга женщины были очень похожи!

– Светлане Викторовне шестьдесят три года, но она не выглядела на свой возраст, – с несвойственной злостью, думала Светлана. – Вот что значит человек жил для себя! Ухоженная, гладенькая, похожая на настоящую женщину, – ей стало не по себе, захотелось уйти и забыть всё как кошмарный, неприятный сон.

– Здравствуй! – заговорила Светлана Викторовна, но не зная, как говорить правильно, поправившись, повторила: – Извините, здравствуйте, – растерянно глядя на Светлану, предложила: – Проходите, пожалуйста. – Светлана стояла, не двигаясь с места. Хозяйка тихо произнесла: – Пожалуйста! – и отошла в сторону, пропуская дочь в комнату.

Поколебавшись, Светлана шагнула вперёд. Войдя в просторную гостиную, с большим количеством мягких диванчиков и кресел, Светлана Викторовна, пригласила присесть. Светлана опять остановилась. Постояла колеблясь и прошла, так и не произнеся ни слова.

Обе молча смотрели друг на друга. Чем дольше Светлана разглядывала хозяйку, тем больше находила сходство с собой. Заметила, что от волнения у Светланы Викторовны приподнялись брови, сделав изгиб ещё круче, и она закусила нижнюю губу, точно так как это делает от волнения она. Разными были только глаза – у Светланы карие, как у отца, а у Светланы Викторовны зелёные, как будто выцветшие. И взгляды у них были разные! Светлана Викторовна смотрела со страхом и нескончаемой виной, а Светлана сердито, даже зло.

Суется, женщина садилась то с одной стороны у Светланы, то с другой.

– Чай, кофе, может быть, что-нибудь хотите? – предложила хозяйка.

Светлана молча покачала головой. Светлана Викторовна села в кресло напротив дочери.

– Я понимаю, – со страхом в голосе, произнесла она, – я отлично понимаю твоё отношение ко мне и моему появлению в твоей жизни. Я виновата, очень виновата! Я виновата перед тобой, перед девочками, но в тот момент, я не могла поступить иначе. Я была слишком молода и не смогла найти выход из той ситуации. Прости меня, за неопытность, за слабость, – она с таким трудом это выговорила, что, после сказанного, сжалась в комочек, как будто ждала приговора.

– Даже волчица не бросает своих детёнышей! – с трудом разжав губы, сухо произнесла Светлана, не узнавая свой голос.

Сидящая перед ней женщина, опустила голову, поняв, что Светлана не простит её, наверное, никогда?! Она не заплакала. Стала маленькой, беззащитной. В Светланином взгляде не было ни сострадания, ни жалости. В этот момент, к этой маленькой, взволнованной женщине, она не чувствовала ничего кроме злости и обиды!

– Может быть, ты дашь мне шанс? – слабым голосом, чуть не плача произнесла Светлана Викторовна. – Может быть, мы всё-таки попробуем? Пожалуйста! – взмолилась она в конце.

Не понимая, что делать, Светлана молчала. Она не знала, как ответить на этот вопрос? С одной стороны, хочется узнать кто она такая и почему только через сорок пять лет решила найти её? А с другой стороны – если она и в самом деле её мать, то почему бы не узнать всё подробнее, не познакомиться поближе, а главное, попробовать понять её поступок.

– Хорошо, давайте попробуем! – не зная к чему это приведёт в последствие, ответила Светлана.

Не сдержавшись, Светлана Викторовна всё-таки заплакала. Наконец-то она позволила себе расслабиться! Плакала тихо, промокая глаза белоснежным, кружевным платком. Наблюдая за ней, Светлана поглядывала на красивый платок и ждала, когда Светлана Викторовна успокоится.

– Тебе, наверное, уже сказали, что зовут меня Светлана Викторовна? – стараясь взять себя в руки, произнесла хозяйка, дрожащим от волнения и радости голосом. – Светочка, расскажи о себе, о своей жизни. Мне всё интересно, все мелочи. Пожалуйста, расскажи!

– Вы, действительно хотите знать? – пристально глядя на хозяйку, сухо спросила Светлана, как-то нехорошо ухмыльнувшись в душе. – Хотите знать, как я росла? Как ко мне относились в детстве?

– Да, очень хочу, – уже немного успокоившись, твёрдо ответила Светлана Викторовна, – расскажи всё подробно, с самого детства! Про себя, про отца. Я всю жизнь мечтала об этом, мечтала о том, чтобы видеть, как ты росла, как заговорила, как сделала первые шаги. Закрывала глаза и представляла, какой ты стала.

– Вы же всю жизнь следили за нашей семьёй, за мной? – пристально глядя на неё, сказала Светлана.

– Нет, что ты, – теребя в руках белоснежный платок, ответила Светлана Викторовна, – конечно не всю жизнь. Только последние годы, после смерти мужа, я смогла заключить договор с адвокатской конторой, и они начали собирать для меня сведения о вас. Поэтому про твою жизнь я совсем ничего не знаю. Расскажи, пожалуйста!

– Мой рассказ не будет приятным, – безжалостно взглянув на Светлану Викторовну, еле заметной усмешкой, произнесла Светлана. – В детстве у меня мало было радостного. Ведь, как выяснилось, я была подкидышем!

– Прости, но я хочу знать, что пришлось тебе пережить, – прочтя всё во взгляде дочери, сказала Светлана Викторовна. – Это же всё из-за меня!

– Хорошо, что, Вы, это понимаете. Ну, что же, слушайте! – безжалостно, не подбирая слов, начала рассказывать Светлана. – Своё раннее детство я, конечно, не помню. Как заговорила и как пошла, не знаю и мне об этом никто не рассказывал! С пяти лет я начала не только понимать, но и видеть, различия в отношении мамы ко мне и брату. Он был любимым ребёнком, его баловали, ласкали. А я с завистью наблюдала за этим! Подходила к маме в надежде, что и меня сейчас приласкают, поцелуют, но она вставала и уходила. В пять лет произошёл перелом в моём детском сознании, и я повзрослела! На мой день рождения, собрались гости. Все несли ткань на платье.

– Почему не игрушки? – осторожно спросила Светлана Викторовна.

– Игрушек у меня не было, – задержав на ней взгляд, ответила Светлана. – Так вот! В тот день, не знаю откуда, появился фотограф и гости начали фотографировать своих детей. Взрослые предложили сфотографировать именинницу. Мама ответила, что мне не в чем фото-

графироваться. Тогда, одна из женщин, сняла со своей дочери платье. У меня таких платьев не было никогда! Мне было стыдно и обидно. Я была маленькой, но эта ситуация перевернула мне душу. Мне кажется, я тогда и повзрослела, и сразу во всём начала разбираться. Эту фотографию я не люблю, она у меня спрятана от людских глаз. А вечером, когда разошлись гости, мне попало.

– За что? – вытирая слёзы, осторожно спросила Светлана Викторовна.

– За то, что я не отказалась и маме пришлось потратить деньги на фото, – без капли жалости к этой маленькой, тихо плачущей женщине, ответила Светлана. – Это была первая фотография в моей жизни! – она замолчала, воспоминания никогда не приносили ей радости.

– Может быть, продолжим за чашечкой кофе или, если хочешь, у меня есть настоящий английский чай? – как можно ласковее, предложила Светлана Викторовна.

– Лучше чай! – взглянув на неё, сухо ответила Светлана.

– Сейчас я принесу! – быстро встала и на ходу говоря, Светлана Викторовна направилась на кухню.

– Не нужно, не утруждайтесь, – вставая с дивана, вдогонку ответила Светлана, – пойдемте на кухню.

– Хорошо. На кухню так на кухню, – Светлана Викторовна шла впереди дочери и думала про себя: – Да, отвыкла я гонять чаи на кухне, как в старые, добрые времена.

Включила чайник и, стоя рядом, молча ждала пока он вскипит. Разлила чай по большим голубым чашкам с золотой каёмкой и поставила перед Светланой. Открыла, накрытый белой снежной салфеткой, большой серебряный поднос с вазой конфет, печеньем и пирожными.

– Угощайся, пожалуйста! – опускаясь на стул, произнесла хозяйка.

Светлана посмотрела на это вкусное изобилие, но есть не хотелось, и она пила чай, отпивая маленькими глоточками.

– Рассказывай дальше, – осторожно попросила Светлана Викторовна.

– Дальше? – пристально посмотрев на хозяйку, сухо спросила Светлана. – С этого момента я начала замечать неодинаковое отношение ко мне и к брату. Мы росли, у нас появились определённые обязанности по дому. Правда, делились они не поровну. Мне почему-то всегда поручалась больше, чем ему? Если вечером мама видела, что брат ничего не сделал, я получала встряску.

– За что ты, если не сделал он?! – промокая глаза, спросила Светлана Викторовна.

– За то, что я видела не сделанную работу и не выполнила за брата, – ухмыльнувшись в душе, ответила Светлана.

– Но, это же несправедливо?! Это было его задание!

– Да его, но попадало мне и меня заставляли делать его работу, но уже с тумаками и скандалом, – стараясь не показать вида, что говорит сквозь зубы, даже немного смакуя, произнесла Светлана. – А брат, в это время, смеялся надо мной.

– Что же отец? Почему он позволял это?

– Ему было не до нас. Отец пил. Я редко помню его в трезвым!

– Как пил? – ошеломлённо спросила Светлана Викторовна.

– Сильно!

– Странно, когда мы познакомились, он не пил, в рот не брал?!

– Не знаю, как было до моего рождения, но, сколько помню – он пил всегда. Каждый день приходил с работы пьяный и весь вечер пил, пока не упивался до невменяемости. Напившись, садился на диван и плакал. Теперь я понимаю, почему?! – сказав последнюю фразу, она бросила грустный взгляд на хозяйку.

– Когда же он начал пить? – не заметив этого, спросила Светлана Викторовна.

– Не знаю, но мне казалось, всю жизнь. Я видела его трезвым только по утрам в выходные, а к вечеру он уже напивался. Он так и умер от цирроза печени, когда ему не было и пятидесяти.

Светлана Викторовна уже не успевала промокать глаза. Слезы тоненькими ручейками текли по щекам, оставляя бороздки на гриме.

– Значит и ему я испортила жизнь? – вздохнув, произнесла она.

– Получается так! – ответила Светлана и, посмотрев на Светлану Викторовну, только сейчас до конца поняла душевное состояние отца.

Светлана смотрела на плачущую женщину и ей не было её жалко! Ей было тяжело, но она не хотела жалеть Светлану Викторовну, хотя чувствовала, что вспоминать и рассказывать всё труднее и труднее. Опять, как в детстве, было жалко и обидно за себя.

– Помню, отец привёз заводную игрушку – металлического коня с каретой, – отгоняя жалость к себе, Светлана сухо продолжала рассказывать. – Карета ехала и толкала коня, а он в воздухе перебирал ногами. Очень красивая и интересная, по тем временам, игрушка! Но я недолго играла ею, она исчезла. Мама, конечно, обвинила меня. Больше я никогда её не видела.

– Откуда отец привёз игрушку?

– Не знаю, он ездил каждый год отдыхать. У него был бесплатный билет на самолет, поэтому он не отказывал себе в удовольствии. Один раз, перед выпускным балом в школе, он привез мне туфли. Белые, лакированные, очень красивые! Мама хотела их забрать себе, но он не дал. Был большой скандал, но отец все-таки настоял на своём. Я эти туфли долго носила, очень берегла. Мы внешне неплохо жили в материальном плане.

– Как это внешне?

– В дом всегда что-нибудь покупали раньше, чем это появлялось у соседей. Мама старалась, чтобы в доме было уютно и красиво. Когда я стала старше, мне это казалось каким-то соревнованием. Отец много вещей привозил из других городов. У нас, у первых на улице, появился телевизор. Помню эти вечера, как в кинотеатре. Много народа собиралось в доме. Приходили со своими стульями и смотрели кино, мужчины собирались на футбол или хоккей. Потом, отец привёз холодильник с Кавказа. Женщины соседки, приходили посмотреть: гладили холодильник, заглядывали в него, выдвигая каждый ящичек. Наблюдая за этими показами, я удивлялась, что в очередной раз нами восхищаются соседи, мама ходит счастливая и радостная, хотя в доме нет ни копейки и у меня, например, нет сапог или ещё чего-то необходимого для повседневной жизни.

Мне отец вещей не покупал никогда, зарплату отдавал маме, а она тратила деньги на дом, себя и брата. Тогда я ничего не понимала, думала, что она просто не умеет распределять расходы и ей никогда не хватает денег до полочки. Мы всегда жили в долг или жестко экономили и, как правило, на мне. Взрослея, я всё начала замечать и понимать. В семье каждый жил для себя. Вернее, отец для себя, мама для себя и брата, а я сама по себе и никому до меня не было дела.

Когда оформляли отцу инвалидность, выяснилось, что он от зарплаты отдавал только четвертую часть в семью. На оставшиеся деньги уезжал каждое лето в отпуск. Особенно часто ездил в Севастополь, – взглянув на Светлану Викторовну, Светлана продолжала рассказ: – Узнав об этом, мама полностью урезала затраты. От этого пострадала больше всех я! В нашей семье основным и главным было – что скажут люди. Поэтому и старались пустить пыль в глаза и прикрыть имеющиеся дыры. А одной и единственной дырой была я! Меня хочешь, не хочешь, но нужно было как-то одевать, чтобы кто-нибудь что-нибудь не сказал. Подарки мне дарила, на праздники и на дни рождения, необходимой одеждой и обувью, но такой, которую не каждая пожилая женщина оденет. Брат – это другое дело! Ему, на шестнадцатилетие, мама купила магнитофон. Первый выпуск в стране – «Комета». Никто даже не видел их, ни то что имел! На восемнадцатилетие, подарила двухколёсный мотоцикл. Самый настоящий, взрослый мотоцикл! Соседи просто ахнули.

– А тебе? – не скрывая ужаса, со страхом спросила Светлана Викторовна.

– Я же сказала, что мне не дарили подарков! – с горечью ухмыльнувшись, ответила Светлана. – Про какие подарки можно говорить, если меня одевали кое-как? В двадцать лет я выходила замуж у меня не было даже кофты, простой шерстяной кофты! Собирая вещи, мама отдала мне свою кофту красивого голубого цвета, правда, локти уже светились, но хоть такую, а то стыдно в люди отдавать ни с чем. За всё детство я не помню, чтобы меня погладили по голове или посадили на колени. Я помню только подзатыльники, ремень, иногда веник или валенок, в общем, всё, что подвернётся под руку. Отец жалел меня, но любви и ласки я и от него не видела. Он смотрел на меня с такой грустью и печалью, что мне было не по себе, – Светлане стало неприятно от собственного рассказа и она печально произнесла: – Наверное, на сегодня хватит воспоминаний? Я стараюсь не думать о своём детстве и никому не рассказывать. Его у меня не было! Поэтому сегодня я первый раз за всю жизни так подробно вспомнила обо всём и мне от этого совсем не радостно.

Светлана никогда, никому не рассказывала о своём детстве. Ни её лучшая подруга Ольга, ни тем более дети, никогда не слышали от неё ни одного плохого слова о маме, о Неле Витальевне. Она никогда не жаловалась.

Светлана Викторовна вытирала глаза уже кухонной салфеткой, её белоснежный платок давно был мокрым от слёз и грязным от косметики. Она уже не промокала глаза осторожно, а терла их, не успевая высушивать слёзы. И нос, и глаза покраснели, от косметики не осталось и следа.

– Бедная, бедная моя девочка! – с жалостью поглядывая на Светлану, произнесла Светлана Викторовна.

Первый раз за всю беседу, внимательно посмотрев на неё, Светлана почувствовала сожаление о том, что так жестоко, правдиво рассказала о своём детстве. О том, что хотела сделать больно этой маленькой, плачущей женщине. После поднятых из глубины души воспоминаний и видя, как её кто-то пожалел, первый раз в жизни, у неё что-то ёкнуло в груди.

Глава 5

Светлана вернулась домой с тяжёлым сердцем, но пыталась не показывать этого, понимая, что девочки ждут рассказа о встрече с родной матерью.

– Мама, ну как, виделись? – спросила Ксюша ещё в коридоре, не дождавшись пока Светлана пройдет в комнату.

– Ксюша, подожди, не спеши. Дай маме раздеться, – вместо мамы, ответила старшая дочь Алёна.

– Родные мои, как я люблю вас! – поглядывая на девочек, думала Светлана. – Какое счастье, что вы у меня есть. Я сделаю всё для вас, пусть лучше у меня чего-то не будет, но вам отдам всё. Как бы трудно и тяжело мне не было в жизни, я вас никогда не брошу!

– Мама, будешь ужинать? – осторожно спросила Алёна, внимательно посмотрев на печальную, уставшую маму.

– Нет, Алёнушка, спасибо, не хочется.

– Ты сегодня обедала? – серьёзно спросила девочка, приподняв изогнутые брови и взглянув на маму такими же карими глазами.

– Не помню, нет, кажется, – задумавшись, ответила Светлана.

– Мама, так нельзя! Мы тебя ждали и без тебя ужинать не будем, правда, Ксюша? – Светлана устало посмотрела на дочерей, но Алёна настойчиво продолжала говорить: – Мама, мы без тебя не пойдём. Ты же не хочешь, чтобы мы остались голодными?

– Хорошо, только я переоденусь и помою руки, – улыбнувшись ответила та, чувствуя, как дочери заботятся о ней.

Девочки унеслись на кухню накрывать на стол, а Светлана, с трудом поднявшись с дивана, пошла в ванную. Её так выбил из колеи сегодняшний день, что совсем не было сил. Она не ожидала, что встреча, с появившейся матерью, будет не менее трудной, чем известие о её существовании. Два дня, какие тяжёлые эти два дня!

Ужинали молча, но Светлана чувствовала, что девочки ждут рассказа о встрече с новой бабушкой. Она начала рассказ, упуская подробности только о Светлане Викторовне, о том, как она выглядит, где живет. Ксюша слушала с горящими, такими же как у бабушки глазами, затаив дыхание.

– Мама, и как она тебе? – выслушав, сдержанно, как взрослая спросила Алёна.

Посмотрев на дочь, Светлана в ответ только пожала плечами.

– Мама, а ты ещё будешь с ней встречаться? – взглянув на сестру, осторожно спросила девушка.

– Да, я обещала, завтра во второй половине дня заехать к ней.

– Мама, а мы, когда с ней познакомимся? – по-детски нетерпеливо спросила Ксюша. – Она, правда, жила в самом Лондоне? – прикусывая нижнюю губу, Ксюша с волнением ждала ответа.

– Да, в Лондоне. Я не расспрашивала подробно, – с трудом произнося слова, ответила Светлана.

– Ксюша, хватит! Видишь мама устала, – строго взглянула на сестру и сказала Алёна.

– Да, пойду-ка я спать, – с трудом выговаривая слова, произнесла Светлана.

Она ушла, а девочки остались на кухне. В их однокомнатной квартире больше нигде было расположиться, когда кто-то отдыхал. В небольшой комнате стояли два дивана, на одном спала Светлана, на другом девочки. Под окном, между диваном и тумбочкой для телевизора, стоял письменный стол. У входа в комнату, немного загораживая проход, шкаф для одежды. На противоположной стене – шкаф для посуды, но девочки использовали его под книги и учебники. Вся посуда и остальные вещи, из их прошлой жизни, стояли в кладовке, дверь в которую нахо-

дилась в углу комнаты, но была загорожена диваном. Квартира была маленькой, поэтому они оставили только всё необходимое, пытаясь создать хоть какой-то уют.

Лёжа в темноте, Светлана долго не могла уснуть. Она давно наложила запрет на воспоминания, чтобы не расстраиваться, а сегодняшний день разбередил душу. На глаза навернулись слёзы, опять, как в детстве, стало обидно и жалко себя.

– Пусть знает, что из-за неё у меня не было детства! – думала она, идя на первую встречу с появившейся ниоткуда родной матерью. Ей хотелось рассказать, как можно подробнее весь кошмар своего детства. – Из-за неё я не знала, что такое ласковая и добрая мама. Из-за неё вместо имени меня называли «дурой» и, как выяснилось, из-за неё запил отец.

Вспоминая сегодняшний день, Светлана начала жалеть о том, что так повела себя. Как обиженный ребёнок, не сдержалась и выпалила всё, что наболело на душе с детства.

– Зачем, я это сделала? – лежала в кровати и думала Светлана. – Лучше бы сказала, что у меня было прекрасное детство, что меня любили!

Светлана долго лежала, думая о жизни отца и о том, как трудно было маме, которую она считала родной.

Глава 6

Несмотря на тяжелый день накануне, утром, Светлана проснулась с чувством бодрости и свежести. Умылась, протёрла лицо льдинкой отвара петрушки, накрасилась и ушла на работу.

Сидя в одиночестве в своём кабинете, думала о произошедшем с ней. Она жалела, что единственная подруга уехала в отпуск и её нет рядом. Как хотелось всё рассказать и посоветоваться, спросить, что делать в этой ситуации?

В два часа дня, как и было условлено, к магазину подъехал черный Мерседес. Светлана поехала на вторую встречу с родной матерью.

Светлана Викторовна ждала её. Одета сегодня она была проще, но с такой же английской аккуратностью; в светло-серый костюм, сшитый чётко по фигуре, и водолазку из лёгкого шифона серого цвета. Глаза чуть оттенены серыми тенями и подведены чёрным карандашом, что делало их немного удлинёнными.

– Светочка, сегодня мы сначала пообедаем, а то вчера остались и без обеда, и без ужина, – улыбнувшись, на ходу проговорила хозяйка, приглашая Светлану на кухню. – Это я виновата, забыла тебя покормить.

– Ничего страшного, меня девочки дома накормили, – проходя за хозяйкой, ответила та.

– А мне можно будет их увидеть? – сказав, Светлана Викторовна испугалась, что торопит события и молча поглядывала на дочь. Но видя, что та не знает, что ответить, виновато добавила: – Позже, может быть?

– Да, если вы, на самом деле, их бабушка? – взглянув на неё, со спокойствием и полной уверенностью в голосе, ответила Светлана.

– Ты не сомневайся, Светочка! – сначала растерялась, но взяв себя в руки, ответила Светлана Викторовна. – Я, для подтверждения своих слов, сделала генетическую экспертизу. Это не только мои слова и утверждения, это – доказанный факт!

– Каким образом вы смогли сделать экспертизу? – удивившись, взглянула на неё и спросила Светлана.

Светлана Викторовна достала из шкафа конверт и выложила на стол его содержимое.

– Откуда у вас моя расчёска и мой платок? – глядя на лежащие перед ней предметы, удивившись спросила Светлана.

– Это мои люди, прости, добыли для экспертизы, – виновато посмотрев на дочь, ответила Светлана Викторовна. – Вот посмотри, почитай. Это – заключение.

Светлана взяла бланк и начала внимательно читать.

– Да, совпадение 99,9%, – остановив взгляд на заключение экспертизы, ни то с досадой, ни то с облегчением, произнесла она.

– Можешь не сомневаться, – наблюдая за дочерью, сказала Светлана Викторовна, – это я тебя родила и очень сожалею, что не вырастила. Ты, Светочка, даже не представляешь, как я об этом сожалею?!

– Не расстраивайтесь. Учила и воспитывала я себя сама, а трудная жизнь только закалила, научила выживать.

– Расскажи, что было дальше.

– Мне совсем не хочется больше ничего рассказывать, – с грустью произнесла Светлана. – Зачем вам это?

– Нет, Света, я хочу знать, – решительно проговорила Светлана Викторовна. – Я хочу всё знать! Пожалуйста, не жалея меня, рассказывая всё как было. Всю правду!

– Хорошо, – с досадой ответила та. – Хотя, если честно, я не планировала больше ничего рассказывать. Грустно и больно всё это вспоминать.

– Рассказывай, Света, ещё раз говорю, не жалея меня. Говори, я слушаю.

– Как хотите. Хотите слушать – слушайте?! – вздохнув, ответила та. – Дальше ничего не изменилось. Взрослея, я по-другому реагировала на мамины поступки. Домашние дела, в основном, были на мне. Два раза в год мы делали ремонт: белили стены, красили окна, пол. Мама была очень чистолюбивой, любила порядок. Белили мы с ней вдвоём, наверное, лет с двенадцати. Я, наравне с ней, махала кистью. Она со стола по верхам, я по низам. После побелки, моей обязанностью было отмыть батареи и пол от известки во всём доме. В воду она наливала сильно пахнущую жидкость, по-моему – аммиак. Говорила, что так лучше и быстрее отмывается, но я не замечала отличия, только помню, как щипало глаза и руки. Было очень тяжело! Когда уже не было сил, я ползком передвигалась с дощечки на дощечку, от усталости дрожа всем телом. Но мне никогда никто не помогал и, сжав зубы, приходилось справляться самой. Лет с тринадцати – четырнадцати, меня уже заставляли двигать мебель, даже шифоньер! Сейчас я понимаю, почему меня не жалели и не берегли, – замолчав, она взглянула на Светлану Викторовну.

– Да, да, – понимая, что сказано это было с укором в её адрес, печально ответила та, – это я виновата во всём, только я одна. Если бы я знала! – она опустила глаза и заплакала.

– Не надо, поздно плакать? – вздохнув проговорила Светлана. – Я уже давно выросла и здоровье у меня от тяжелой работы не подорвалось, грех жаловаться. А то, почему ко мне так относились, теперь понятно. Это всегда было для меня загадкой, а сейчас всё легло как в пазлах. Мысленно, я называла себя Золушкой и в глубине души надеялась, что, как и у неё, у меня должно всё измениться и обязательно произойдёт какая-нибудь сказка!

– А отец, брат, почему не помогали? – с грустью посмотрев на дочь, спросила Светлана Викторовна.

– Отец всегда был пьян, а брат, в дни ремонта, исчезал из дома и появлялся только поздно вечером, когда было уже темно. Его вообще никогда не заставляли что-то делать, его же любили! Что ещё рассказать? Хочется вспомнить что-то хорошее, но хорошего и доброго в моём детстве совсем не было. Помню случай, когда мы с мамой и братом шли куда-то все вместе. Она дала нам по конфетке. Брат прыгал, скакал и выронил свою конфету в грязь. Я маленькой сладкое не очень любила, поэтому свою конфету оставила, не хотела на ходу есть. Да-к вот, мама отобрала у меня конфету и отдала брату. Он ел и смеялся, показывая на меня пальцем. Обидно и неприятно было ни от того, что я осталась без конфеты, а от того что брат, не прячась от мамы, смеялся, а она никогда не делала замечаний. И так было постоянно!

Светлана Викторовна встала, подошла к плите налить суп, но было заметно, что она пытается совладать с волнением. Чем больше рассказывала Светлана, тем тяжелее ей было сдерживаться.

– Давай обедать. Я приготовила борщ, – пытаюсь отвлечься, предложила хозяйка, ставя перед дочерью тарелку с ярко бордовым супом. – Сто лет его не ела и тем более не варила. Мой муж не признавал борщ как суп, называл – овощным отваром, поэтому мы его никогда ни готовили. А на второе я сделала куриный рулет. Попробуешь, если понравится дам рецепт; делается за пятнадцать минут, а украсит любой праздничный стол.

– В самом деле очень вкусно! – попробовав рулет, сказала Светлана. – Он, правда, так быстро готовится?

– Да! Хочешь рецепт?

– Конечно! У меня девочки сейчас на кухне проводят времени больше чем я. Всегда что-то экспериментируют, что-нибудь новенькое пробуют приготовить. Им понравится.

Светлана Викторовна достала из шкафа блокнот с ручкой и положила перед Светланой.

– Сырую куриную грудинку режешь на кубики по два сантиметра, – начала она рассказывать. – Солишь, добавляешь мелко нарубленный болгарский перец. Для красоты лучше использовать перец трёх цветов: зелёный, жёлтый и красный. Всё – начинка готова! Берёшь квадратную коробку из-под любого сока. В неё укладываешь курицу, слои засыпаешь сухим

желатином. Немного утрамбовываешь, чтобы не осталось пустот. На одну грудинку уходит полторы – две столовые ложки желатина. Коробку ставишь в кастрюлю, на паровую баню и варишь двадцать – тридцать минут. Сверху нужно поставить груз, чтобы мясо было прижато и коробка не опрокинулась. Вода должна быть выше содержимого в коробке, иначе будет сухая кромка рулета. Можно экспериментировать с любым видом мяса. Нужно только учитывать время приготовления и то, что коробка картонная, от долгой варки может развалиться. Например, очень вкусно, если с курицей смешать куриные сердечки, только их нужно предварительно отварить.

Светлана записала рецепт, и они продолжили обедать. Она с интересом расспрашивала у матери про Англию и вкусы англичан, понимая, что смотреть по телевизору разные передачи и фильмы – это одно, а узнать всё от человека, прожившего там больше сорока лет – совсем другое!

После обеда пили чай в гостиной.

– Светлана, – поглядывая на дочь, осторожно спросила Светлана Викторовна, – ты ничего не рассказывала о своих школьных годах.

– Про школу? – пожав плечами, ответила та. – В школе мне было хорошо. В младших классах всё шло ровно: росла, училась. Понимание и интерес к школе изменился в пятом классе. Учительница математики была нашим классным руководителем, она много времени посвящала детям. Ей я благодарна за всё! Она была первым и единственным человеком в моей детской жизни, который отнёсся ко мне с добротой и пониманием. Именно учительница объяснила, что от одной меня зависит то, кем я вырасту и что из меня получится. Дальше всё пошло хорошо: я училась, занималась спортом, после школы поступила в институт, на последнем курсе вышла замуж, – Светлана замолчала, почувствовав, что устала от воспоминаний и отвлечённо сказала: – Что-то я всё о себе и о себе, Вы, расскажите о своей жизни.

– После того, что ты рассказала о своем детстве мне неловко, – отставив чашку с чаем, грустно ответила Светлана Викторовна. – Уж очень у меня гладкая и сладкая была жизнь.

– Что сделаешь? Каждому – своё! – сказала Светлана и улыбнулась печальной улыбкой. – Господь не даёт человеку больше, чем он может унести, значит так было нужно?! – поглядывая на Светлану Викторовну и видя, что та задумалась в своих воспоминаниях, подбадривая сказала: – Не стесняйтесь, рассказывайте!

– Знаешь, Светочка, – виновато улыбнувшись, произнесла Светлана Викторовна, – почему ты смогла преодолеть все трудности в жизни и не зачерстветь душой?

– Почему?

– Ты ведь в рубашке родилась!

– Как это в рубашке? – удивившись спросила Светлана.

– Ты вышла вместе с пузырьём. Это, оказывается, очень опасно для ребёнка! Говорят, что дети оставшиеся живыми, в такой ситуации, уже чудо. Но с тобой всё было хорошо и никаких последствий это не дало.

– Даже не задумывалась никогда над этим выражением!

– Я тоже не представляла, пока не увидела своими глазами. Врач, принимавшая роды, отправила медсестру в ординаторскую, вдгонку крича: «Позови кого-нибудь, ребёнок идёт в рубашке».

– Надо же, через сорок пять лет узнала такое о себе!

Светлана Викторовна встала, достала из шкафа маленькую металлическую коробочку, похожую на шкатулку. Из неё выложила три резиновые бирки, которые одевают на младенцев в роддоме и маленький комочек темных, тоненьких волос.

– Это твоё! – передавая содержимое коробочки Светлане, с нежностью сказала она. – Я хранила всю жизнь. Бирки сняла в роддоме перед выпиской и волосы тебе там же обстригла. Оставила на память. Ты родилась с длинными волосами, они у тебя ёршиком стояли.

– Знаете, – держа бирки в руках и читая надписи на них, растрогавшись произнесла Светлана. – Я спрашивала у мамы и в детстве, и потом уже взрослая, во сколько я родилась, но она отвечала, что не помнит. Я ещё удивлялась, как можно забыть такое?! – положив бирки на стол, взяла прядку волос и нежно перебирая пальцами, тихо произнесла: – Волосы, как у Алёнки.

– Хочешь я тебе покажу фотографии? – почувствовав, что дочь растрогана подарком, предложила Светлана Викторовна.

– Да, конечно! – собирая всё назад в коробочку, ответила Светлана.

– Смотри, – достав из шкафа несколько больших альбомов и положив их перед Светланой, сказала Светлана Викторовна.

Открыв альбом, на первом листе Светлана увидела свой портрет.

– Странно у меня не было никогда такого платья? – зная, что помощники адвоката делали её фотографии, не скрывая удивления, произнесла она.

– Это мой портрет, Светочка! – заулыбавшись ответила Светлана Викторовна. Светлана смотрела на фотографию с нескрываемым удивлением. – Что, удивлена? – наблюдая за ней, спросила Светлана Викторовна.

Та и в самом деле была очень удивлена! Взглянув на Светлану Викторовну, она молча смотрела на портрет.

– Да, Светочка, – наблюдая с каким интересом дочь рассматривает фотографию, сказала она, – ты как две капли воды похожа на меня, только цвет глаз другой. У тебя глаза Александра, но на фотографии этого не видно.

– Я думала, что о таких сходствах только в кино показывают и в романах пишут, а сейчас вижу своими глазами и поражаюсь. Теперь понимаю состояние отца, когда он смотрел на меня и видел вас!

Светлана Викторовна, печально улыбаясь, наблюдала за дочерью.

– Странно, но я думала и все говорили, что похожа на отца? – не сводя глаз с портрета, произнесла Светлана.

– Ты сюда посмотри, – переворачивая страницу, сказала Светлана Викторовна.

На следующей странице были фотографии её отца и девушки, очень похожей на Светлану.

– Это мы с твоим отцом в Севастополе, – сказала Светлана Викторовна. – Это дни нашего знакомства. Посмотри, как мы похожи! Нас даже называли братом и сестрой.

Сидя рядышком, прижавшись друг к другу плечами, они листали альбом, разговаривали, смеялись, не замечая, как постепенно расстояние между ними сокращается, и они начинают сближаться.

Когда закончились два альбома, Светлана засобиравшись домой.

– Мне пора, девочки ждут! – сказала она, поглядывая на часы.

– Ты меня познакомишь с ними? – глядя на дочь, осторожно спросила Светлана Викторовна.

– Да, познакомлю! – немного подумав, совершенно осознанно ответила Светлана.

– Когда? – с нескрываемым, радостным волнением спросила Светлана Викторовна.

– В выходные!

– Завтра ты приедешь ко мне?

– Завтра не смогу, работы много, – Светлана увидела, как расстроилась Светлана Викторовна и, улыбнувшись, добавила: – В пятницу приеду так же в два часа.

– Я буду ждать с нетерпением! – обрадовалась и не скрывая этого, сказала Светлана Викторовна.

Хоть с маленькой, но надеждой на будущее, улыбаясь она смотрела на дочь. Радуюсь тому, что Светлана смогла найти в себе силы и пойти на общение с ней. С гордостью она думала о том, что у неё выросла хорошая и с сильным характером дочь.

Светлана встала и пошла к выходу.

– Да, да в пятницу! – счастливо улыбаясь, шла за ней и на ходу приговаривала Светлана Викторовна. – Ты мне ещё не рассказывала о своем замужестве, о муже.

Они сказали друг другу до свидания, и Светлана вышла. Последние слова матери опечалили её.

– Рассказать о замужестве, о муже?! – думала Светлана. – Вот этого мне совсем не хочется. Да и рассказывать нечего. Нет, конечно, говорить можно много и долго, но зачем?

Рассказывая про своё детство Светлане совсем не было жалко свою биологическую мать. Она старалась, не скрывая подробностей, как можно ярче рассказать о своём тяжёлом детстве, хотелось показать этой маме – то, на что она обрекла свою дочь, оставив на руках у чужой женщины!

Светлана удивлялась своему поведению. Она – всегда добрая, заботливая, с пониманием относящаяся к людям, женщина, вдруг так безжалостно, совершенно не подбирая слова, с какой-то злобой, даже жестокостью, рассказывала про своё детство. Ей хотелось сделать больно этой, вдруг появившейся ниоткуда, из какой-то заоблачно-счастливой жизни, маме. Но за несколько дней общения, она начала менять отношение к ней. Ей уже не хотелось расстраивать Светлану Викторовну, ей было её жалко. Но рассказывать о своей семейной жизни, если конечно всю правду их отношений с Андреем, ей совсем не хотелось, потому что это будет ещё один печальный рассказ.

Задумавшись о прожитых годах, Светлана отчётливо понимала, что за сорок пять лет жизни у неё было только одно счастье – это дети. Кроме них ей и вспомнить нечего. Девочки – это её жизнь, её единственное счастье, ради которого она всё перетерпит, всё выдержит!

Глава 7

Девочки ждали возвращения мамы с нетерпением. Вернувшись, Светлана рассказала о сегодняшней встрече со Светланой Викторовной, пообещав, что в выходные познакомит их. Спать легли вовремя. Лёжа в постелях, с выключенным светом, долго разговаривали. Девочки никак не могли наговориться. Светлана сделала вид, что спит и они перешли на шёпот, но болтали ещё долго.

На самом деле, Светлана не спала. Она лежала и думала о своей жизни, о годах, прожитых с мужем. Двадцать лет сплошного, нескончаемого скандала! Она терпела, по-другому нельзя назвать их брак, долго терпела.

Уж очень быстро они поженились, совсем не узнав друг друга. Светлане тогда казалось, что она встретила своего рыцаря на белом коне! Он был красив, один из красавчиков в институте. Ей завидовали все девчонки. Андрей красиво ухаживал: открывал перед ней дверь, подавал руку при выходе из транспорта, дарил цветы и разные приятные, влюблённому сердцу, безделушки. Вроде бы нормальное мужское поведение, но не для Андрея! Потому что, как только они расписались, он из галантного кавалера превратился в обычного потребителя. Андрей не пил, не курил, на людях был – сама любезность, а дома вылезал из шкуры, как чёрт из табакерки. Ругался, всегда всем был недоволен. В порыве истерик мог пнуть дверь, стул, в общем, всё, что попадалось на пути. А как он матерился, проклиная всё и всех?! Фу! Светлана вспомнила об этом и её передёрнуло даже в кровати.

Как она может рассказывать такое? Жила с ним – значит, нравилось? Хотя терпела через силу. Когда терпение закончилось, развелась и очень жалела, что не сделала этого раньше. Столько лет жизни потеряно?!

Светлана знала, что этого она никому не будет рассказывать, стыдно, очень стыдно! Даже лучшая подруга Ольга не знает подробностей их жизни с Андреем.

Как можно кому-то рассказывать, что Андрей всю жизнь гулял. Сколько у него было женщин за их совместную жизнь и не счесть?! Светлана всегда это замечала и переживала из-за его измен, но молчала. Андрей, такой неопрятный и безразлично относящийся к своей внешности, вдруг начинал бриться два раза в день, менять бельё, полоскаться в душе как девица. Задерживался на работе допоздна и в выходные выходил на очередные авралы. Она не устраивала сцены ревности, а тихо плакала в подушку от обиды. Сколько ведер слёз было выплакано в эту подушку – её единственную, молчаливую подружку?!

Подруг Светлана в дом не приглашала из-за него! Андрей, не стесняясь ни жены, ни девочек, начинал клеиться к госте. Зачем далеко ходить, он даже в этом был ленив! Мерзко всё это, так неприятно и противно, что до сих пор кидает в холодный пот при воспоминании о нём, о его поступках и отношении к ней. Прожила двадцать лет с ним, как последняя собака! На любой вопрос, просьбу всегда от мужа слышала в ответ: «Пошла, ты» или «Заткнись». А как она от него скрывала своё недомогание, простуды; боялась показать, что болеет? Самое большое сочувствие, какое проявлял Андрей к больной жене, так это – спросить через губу: «Что, опять загибаешься?»

Совсем плохо стало, когда он потерял работу. Андрей и так-то небольшие деньги зарабатывал, а потеряв работу, совсем перестал помогать семье. Никогда не интересовался на что Светлана содержит семью, одевает и учит девочек. Ему всегда на это было наплевать. Попыток устроиться куда-нибудь, хоть кем-то, лишь бы заработать денег, у него даже не было. Когда Светлана пыталась выяснить что-то по поводу работы, он кричал и матерился. С высокомерием и призрением говорил, что для него нет подходящей работы, а рабочим он никогда не пойдёт; только начальником, больше никем работать он не собирается.

Андрей просто лёг на диван к телевизору. Его всё устраивало: холодильник заполнен продуктами, за квартиру оплачено, всё постирано, поглажено, можно спокойно жить ни о чём не печалиться и не думать о работе. О деньгах и как заработать, думала Светлана!

У него были свои деньги, но, где Андрей брал их, она так и не узнала. Он мог сходить в магазин, купить продуктов, не спросив нужно, что или нет, совсем не обращая внимания на ценники. Просто ему этого хотелось! А потом выставить Светлане счет. И она молча рассчитывалась. Только за что, никак не могла понять?! Один раз, она попыталась спросить, откуда у него деньги, если он не работает? Андрей грубо ответил: «Щас, я открыл тебе все свои источники доходов, чтобы ты обобрала меня как липку!» Ей было обидно, но и это она стерпела. Она очень много терпела от него и молчала, всегда молчала, всю жизнь молчала!

Последние годы их совместной жизни, Светлана всё чаще и чаще задавала себе один и тот же вопрос: «Зачем она всё это терпит? Без него ей будет спокойнее, легче и денег будет хватать. Без него она наконец-то сможет жить, вырвавшись из этой клетки». Она постоянно чувствовала себя уставшей, измождённой. Работала на двух, а если везло, то и на трёх работах. И опять один и тот же вопрос – зачем? Зачем ей такой муж? Это не она вышла замуж, это Андрей на ней женился! Живет за женой как за каменной стеной и ни о чём не думает. А как он относился к ней, страшно и неприятно вспоминать?! Она с ним имя забыла, только и слышала «Эй» или «Эй, ты». На работе образованный, уважаемый человек, заместитель директора магазина, а дома – никто!

И как она всё это может кому-то рассказывать?! Дитём неразумным не могла управлять своей судьбой, как распорядилась мать, так и росла, а мужа сама себе выбирала. Выбрала такое счастье, вот всю жизнь и мучилась, а не жила! Не упивалась счастьем, а хлебала его из поганого корыта.

Пределом терпения был последний скандал из-за какой-то очередной мелочи. Муж, как обычно, что-то не мог найти и орал на всю квартиру. Светлана сделала замечание, а в ответ услышала: «Заткнись, ненавижу, сука!» Через пятнадцать минут он нашёл, что искал и как ни в чём не бывало подошёл и начал спокойно разговаривать. Но это был конец! Светлана не смогла этого стерпеть. Наконец-то!

– Всё! – сказала она, встала, выпрямилась как струна и спокойно смотрела на мужа. – Если ты живёшь с человеком, которого ненавидишь, то мне тебя жаль. Мне жалко, что я не смогла сделать твою жизнь такой как ты хотел. Каждый человек заслуживает счастья, и я думаю, что ты обретёшь его, но без меня. Я не хочу больше тебе мешать жить и делать тебя несчастным. Нам нужно расстаться!

Он бегал вокруг Светланы разгневанный, даже пытался взять, что-то тяжёлое в руки. Но она, совершенно спокойно, не реагируя на очередную истерику, ждала. Ждала, понимая, что это – конец её кошмарам. Она ещё не осознавала, как они с девочками будут жить дальше, но точно знала, что хуже не будет! Андрей ушёл. И на этот раз ему было к кому уходить, у него была очередная любовница.

Через несколько дней, он объявился и потребовал раздела квартиры. Они свою трёшку могли разделить только на две однокомнатные. Как Светлана не умоляла мужа, что им с девочками будет мало однокомнатной квартиры, что их трое, а он один. Андрей не хотел ничего слушать, а уж тем более о чём-то думать. Он топал ногами, орал, что Светлана, как всегда, хочет жить за его счёт, что она, в очередной раз, хочет его наколоть!

Перебирая в мыслях воспоминания о прошлой семейной жизни, Светлана облегчённо вздохнула, подумав о том, как хорошо, что они разошлись и Андрея нет рядом! Улыбнувшись, она спокойно уснула.

Глава 8

Как и обещала, в пятницу, Светлана приехала в гости к матери. Первый раз эта встреча принесла обеим радость. Сдержанную, без эмоций, но радость.

Женщины, как добрые подруги, прошли в комнату. Чай стоял на столе в гостиной, но Светлана Викторовна сначала покормила Светлану полноценным обедом.

– Светочка, – усевшись удобно на мягком диване, сказала она, – ты обещала сегодня рассказать о муже, о вашей жизни!

– Особо рассказывать нечего – обычная жизнь, обычная семья, – понимая, что этого не обойти и рассказывать придётся, ответила Светлана. – Поженились на последнем курсе института, мужа звали Андрей.

– Почему звали? – озабоченно посмотрела на дочь и спросила Светлана Викторовна.

– Мы разошлись чуть больше года назад, – спокойно ответила Светлана.

– Света, извини, но почему?

– Он всю жизнь гулял – я терпела, а получилось напрасно. Он всё равно ушёл к другой женщине, – Светлана посмотрела на, обеспокоенную, Светлану Викторовну и ответила: – Наверное, я была плохой женой?

– Я никогда в это не поверю! – сказала Светлана Викторовна, пристально глядя на дочь, понимая, что та явно себя оговаривает.

– Ну, что вы так смотрите на меня? – не желая рассказывать правду, спросила Светлана. Видя, что Светлана Викторовна, пожав плечами молчала, продолжила говорить: – Мне от развода хуже не стало, у меня всё хорошо! Я нисколько не жалею о случившемся. Оставшись с девочками одни, мы стали ближе, роднее. У нас сейчас всё хорошо и возвращаться к прежней жизни я не хочу. И ему, как я понимаю, без нас тоже неплохо. Он ни разу не позвонил, не поздравил детей ни с днём рождения, ни вообще.

– Вы любили друг друга, когда поженились? – почувствовав, что дочь не хочет откровенничать, осторожно спросила Светлана Викторовна.

– Мне казалось, что да, – задумавшись, ответила Светлана. – По крайней мере, я его очень любила!

– А он?

– Если честно, то не знаю? Когда встречались, думала, что любит. Но это только казалось! Уже позже поняла, что Андрею удобно и комфортно жить рядом со мной. Он очень быстро изменился, буквально сразу после свадьбы. В один миг, в первые же дни нашей совместной жизни, перестал быть заботливым и внимательным.

– Так быстро?! – сокрушалась Светлана Викторовна.

– Знаете, какие он мне от большой любви делал комплименты? – кивая в ответ, с улыбкой, спокойно проговорила Светлана.

– Какие? – печально спросила Светлана Викторовна, видя, что дочь совсем не расстроена рассказывая о муже.

– Как-то иду я с работы, тороплюсь домой. Раскраснелась, глаза горят. Навстречу идёт старенький дедушка. Он остановился передо мной. Я подумала, что ему плохо и спросила, что случилось. А он, улыбаясь смотрит на меня и говорит: «Любуюсь, милая, любуюсь! Создал же Господь такую красоту, Божью птичку!» Я засмеялась, поблагодарила за такой необычный комплимент и побежала дальше. Настроение было прекрасное! Как после таких слов можно унывать? Дома мужу рассказала. Знаете, что он сказал?

– Что? – глядя на дочь с грустной улыбкой, спросила Светлана Викторовна.

– Посмотрел на меня, ухмыльнулся и говорит: «Нашла, кого слушать. Старый дед из ума выжил!» Вот так он меня любил. Но я ещё раз повторяю, что совершенно не жалею о расставании с ним. Я сняла с себя груз, тяжёлый груз и теперь живу легко и свободно!

– Ты знаешь, как он живет?

– Нет и не хочу ничего знать!

– Светлана, ты на него обижена. Заметно, что до сих пор, обида не прошла, – пристально глядя на дочь, сделала заключение Светлана Викторовна.

– Я обижена на себя. Жалею, что столько времени терпела. Хотела сохранить семью, непонятно только для кого?

– Не расстраивайся, Светочка, забудь его – это ни твой мужчина!

– Ну, моего-то мужчины уже не будет, жизнь прошла! – печально засмеявшись, сказала Светлана.

– Что ты такое говоришь, Светочка, у тебя ещё всё впереди?! Ты ещё молода. Вот увидишь, судьба повернётся к тебе, и ты найдёшь свою половинку и будешь по-настоящему счастлива! Ты же сама говорила, что у тебя, как у Золушки всё в жизни должно измениться.

Они замолчали, думая каждая о своём. Увидев, что воспоминания о муже Светлане неприятны, Светлана Викторовна переключилась на другую тему.

– Вы втроём живёте в однокомнатной квартире? – после небольшого молчания, спросила она.

– Да, втроём, мы уже привыкли, – понимая, к чему та ведёт разговор, настороженно ответила Светлана. – Первое время было тяжело; у девочек до развода была отдельная комната, но сейчас всё нормально, приспособились. У нас всё хорошо!

Светлана Викторовна понимала, что трудности, через которые прошла Светлана, закалили её и сделали крепче. Какой бы тяжелой у неё не была жизнь, она не позволила зависти и гневу поселиться в своём сердце. У неё очень хорошая дочь! В жизни всё уравнивается, и она верит, что дочь ещё будет счастливой.

– Мы с тобой и с девочками позже поговорим об этом, – открывая коробку конфет, задумчиво проговорила Светлана Викторовна.

Она хотела помочь дочери, но боялась поспешить, понимая, что Светлана не привыкла рассчитывать на кого-то кроме себя, поэтому нужно сделать так, чтобы ни в коем случае не сломать тот маленький, хрупкий мостик, который соединил их.

– Светлана, – внимательно посмотрев на дочь, спросила Светлана Викторовна совсем о другом, – расскажи, чем ты живёшь кроме работы и дома. Что ты любишь, конечно, кроме детей?

– Работа и дети – это моя основная жизнь! – с радостью ответила Светлана, поняв, что тема её семейной жизни закрыта. – У меня ничего больше нет в жизни. Я не обижаюсь на судьбу и считаю себя счастливой. У меня хорошие, добрые девочки, интересная работа. Она совмещает в себе многое. Для меня это – и хобби, и общение с людьми, всю жизнь учеба и ежедневная проверка полученных знаний. Да и на хлеб с маслом, вполне хватает. Помимо работы, люблю свой дом! Обожаю готовить, ухаживать за внешним видом своих девчонок, держать в чистоте и порядке дом. Если мы намечаем какое-то мероприятие, то люблю ездить в магазины за необходимыми покупками. Не люблю просто шляться по магазинам. Если нет определённой цели, то я по ним совсем не хожу. Меня это совершенно не развлекает. В общем, всё, что касается дома – я обожаю делать! Иногда хожу в театр, в кино с подругой. Вот и вся моя жизнь и все мои развлечения. В гости, кроме подруги, мне ходить некуда. Родственников нет, потому что с братом не общаюсь.

– Почему, вы ведь родные с ним? Никто из вас не знал, что вы родные только по отцу!

– Он как женился, так и отгородился за высоким забором, закрывшись, в первую очередь, от нас с мамой. Он не только меня, но и её не подпускал к себе. Всё из-за того, что его жена

не захотела с нами общаться. Мама внучку-то видела только на улице, когда та проходила мимо нашего дома. Но девочка воспитана так, что ей не нужна бабушка и она о ней даже не вспоминает. Для мамы я и мои девочки оставались одной радостью в жизни!

– Господи, Светочка, ты только подумай, как ей было тяжело?! Вся жизнь – сплошная пытка. Она любила тебя и думаю, что поняла это только тогда, когда ты выросла и стала жить отдельно.

– Да, вы правы! Я чувствовала, что она изменилась в отношении ко мне. Я была для неё как отдушина. Мама приезжала к нам и рассказывала про брата и сноху, постоянно жалуясь на них. Мне было её жалко! Я никогда, ни разу в жизни, даже не намекнула о том, что с детства жила с чувством обиды. Не скрою, что было желание и не раз, спросить – почему? Почему она так относилась ко мне? Но пока была ребёнком не решалась, а когда выросла, то не хотела расстраивать её своими вопросами. Жалела. Брат и ко мне проявил неуважение. Однажды, увидев, что я иду к ним, он закрыл ворота. Причём ворота они закрывали на ключ. Так что после этого я не хочу общаться с ним.

– Вот видишь, как получилось в жизни? – с досадой сказала Светлана Викторовна. – Его в детстве любили, баловали, лелеяли, а в результате вырос эгоист. Ладно с сестрой плохие отношения, но свою маму, свою родную маму так обидеть?! Я не думаю, что он в жизни будет счастливым за свои дела. Ведь всё идёт по кругу – ты любишь, и тебе возвращается эта любовь, ты ненавидишь, злишься и твоя ненависть, злоба вернётся к тебе. Вернётся не только семейными проблемами, но и всякими болячками, которые постепенно сожрут изнутри.

– Именно так и получилось. Жена, в конечном итоге, ушла. Он живёт один и пьёт. Иногда к нему заходит дочь и показывает внуков. Приезжая к маме в гости, я часто видела, как она ходит вокруг его забора и заглядывает в щелочки, в надежде хоть одним глазком посмотреть на внучку и сына. Сейчас я хорошо понимаю её чувства, ведь это был её единственный сын и внучка! Наступило время, и брат оказался точно в таком же положении. Он не бывает у дочери в гостях, не сидит с ними в кругу семьи за праздничным столом. Живёт один как сыч, никому не нужный. Поэтому и пьёт. Пьёт, кстати, тоже один. Закроется дома на несколько дней и пьёт.

– Бог с ним, Светочка, не думай о нём. Нет его! Господь сам решит и воздаст каждому по его делам, – стараясь отвлечься от мыслей о трудной жизни дочери, улыбнувшись сказала Светлана Викторовна. – Не думай больше об этом, это всё в прошлом!

Она с грустью смотрела на дочь, понимая какая трудная и безрадостная жизнь была у Светланы. За всю жизнь её никто не пожалел, не приласкал и не помог. С самого рождения она была одна!

Глава 9

Стараясь отвлечь Светлану, хозяйка предложила кофе.

– Расскажи про свою подругу, про Ольгу! – удобно устроившись в кресле, попросила Светлана Викторовна.

– Ольга – это моя единственная подруга, – улыбнувшись ответила Светлана. – Другой уже не будет никогда, она будет со мной навеки, навсегда! Хотя мы дружим не всю жизнь, а только последние десять лет. Ольга, с первого дня нашего знакомства, стала мне родной. Не знаю, как объяснить это чувство, но ближе её у меня никого нет?! И как ни странно, но я это почувствовала сразу же, как только мы познакомились.

– Расскажи о ней.

– Если интересно, то расскажу с удовольствием, – взглянув на часы, ответила Светлана.

– Конечно интересно, мне всё интересно про тебя!

– Подругу мою, как я уже сказала, зовут Ольгой, – начала рассказывать Светлана. – Мы познакомились почти десять лет назад. До нашего знакомства, она работала поваром в каком-то ресторане. В её семье произошло несчастье, и она потерялась в этой жизни; замкнулась в себе. Постепенно получилось так, что на работе, из-за такого состояния, она начала мешать и её попросили уволиться. Ольга, не говоря ни слова, и даже не спросив почему, написала заявление и ушла. Её сыну – Максиму, тогда было шестнадцать лет. Ей нужно было работать, чтобы кормить и учить сын. В поисках работы, Ольга пришла ко мне. Мы долго разговаривали и после первой встречи уже не расставались! Я приняла её в магазин кладовщиком. Научила вести учёт всего, что поступает на склад и уходит в торговлю. Уже позже, когда Ольга оправилась от горя, нет, неправильно сказала, – поправилась Светлана. – Не оправилась, а научилась жить с этим горем. Ольга окончила курсы бухгалтеров и сейчас работает главным бухгалтером в нашем магазине. История в её жизни произошла очень тяжёлая и трагичная, можно даже сказать – страшная! – Светлана замолчала задумавшись.

– Что в её жизни произошло такое страшное, какое несчастье? – внимательно слушая, спросила Светлана Викторовна.

– Ольга потеряла мужа, – вскинув на неё глаза, ответила Светлана.

– Он умер? – переспросила Светлана Викторовна.

– Нет, именно потерялся.

– Как это, потерялся?

– Сергей был геологом, в тайге искал руду, – пояснила Светлана. – С его работой и связана эта трагедия. Он уезжал в экспедицию на всё лето и ходил по тайге до самой осени. Ольга с сыном по полгода жили одни. Она, за годы совместной жизни, привыкла к этому и считала нормой. Уже позже, Ольга рассказывала, что на самом деле было тяжело оставаться одной – тосковала. Но Серёжа увлечённо относился к своей профессии, поэтому она принимала его отсутствие как неотъемлемую часть жизни. Ольга называла себя солдаткой! Шутила над этим, а если вдуматься, то тяжело ей было, особенно когда была молодой.

Максиму было пятнадцать лет, когда Серёжа, перед очередной командировкой, пришёл домой со своим студентом – Семёном. Сергей читал лекции в институте, Семён был его лучшим учеником. В последствии, он сыграл большую роль в жизни их семьи, – пояснила Светлана. – Семён окончил институт и упросил Сергея зачислить его к себе в экспедицию.

Из той экспедиции Серёжа не вернулся! Осенью Семён приехал и рассказал, что он заполнил рюкзак провизией, оставил всех в лагере, на берегу небольшого притока реки, а сам ушёл в тайгу. Он всегда так делал. Ольга это знала по его же рассказам. Серёжа по несколько недель один ходил по тайге. Когда заканчивались продукты и рюкзак заполнялся породой, он возвращался в лагерь. Отдыхал недельку, писал отчеты о проделанной работе, и опять уходил.

В тот сезон, после повторного выхода в тайгу, Сергей не вернулся. Его искали целых два месяца, но не нашли даже следов! Маршрут знали хорошо. Обыскали всё в этом направлении, всю прилегающую территорию, но не нашли даже вещей. Последняя стоянка была убрана, остатки банок, мусора аккуратно закопаны. Значит он уходил без спешки, а куда делся, неизвестно? На следующий год, Семён опять поехал в экспедицию, в надежде найти хоть какие-нибудь следы Сергея. Но всё было напрасно!

С тех пор, вот уже больше десяти лет, Семён живет и работает охотоведом в тех местах. Он до сих пор ищет Сергея! Максим вырос, и каждый год уезжает к нему. Собирает своих друзей, и едут на целый месяц в тайгу. Они с Семёном облазили все окрестности. По секторам разбили лес и сантиметр за сантиметром обыскали всё, но ничего за все годы так и не нашли!

Даже странно, как можно так исчезнуть? Я, честно говоря, уже и не надеюсь, что найдётся Сергей, но Семён ищет, а Ольга ждёт, каждый год ждёт! Я-то вижу, как она волнуется, пока сын с новостями не вернётся из тайги. Внешне не показывает вида, но за этот месяц даже худеет. Бродит по квартире как тень и заглядывает в окна. Мы в это время даже не ходим никуда, у неё только работа и дом. Ждёт, каждую секунду ждёт!

Я всего один раз была свидетелем возвращения Максима из тайги. До сих пор при воспоминании сердце сжимается. Максим вошёл в квартиру, вид у него поникший, стоит и боится поднять глаза на маму. Ольга смотрит на него в ожидании, видно, что даже не дышит. Он поднимает глаза и, не сказав ни слова, качает головой. Поняв всё без слов, Ольга медленно уходит в комнату. Зрелище не для слабонервных. Я после этого несколько дней не могла прийти в себя. Представляю каково бедной Оленьке! Вот такое горе у неё и когда всё это закончится неизвестно.

– Господи, Светочка, что же это за жизнь такая, что же она всё время бьёт бедных женщин?! – плача и не скрывая слёз, произнесла Светлана Викторовна.

– Судьба такая и никуда от этого не денешься.

– Почему же она одному так много горя даёт, почему не делит, чтобы у всех поровну и радости, и горя было?!

– У Ольги сейчас как раз начинается второй этап в жизни, и я думаю, что ей будет легче. Максим познакомился с прекрасной девушкой, и мы надеемся, что они поженятся.

– Дай-то Бог! Так хочется, чтобы Оля жила легко, радостно. Ты меня познакомишь с ней?

– Она уехала к сестре, приедет недели через две, тогда и познакомлю, – сделав несколько глотков кофе и, посмотрев на часы, Светлана сказала: – Мне пора, – встала с дивана, и направляясь к выходу, проговорила: – Завтра суббота, в двенадцать я приеду с девочками.

Светлана Викторовна стояла улыбающаяся. В глазах сверкали слезинки, но она была счастлива! Она смогла немного сблизиться с дочерью и вот завтра, Светлана даёт возможность познакомиться с внучками.

– Благодарю тебя, Господи, – произнесла Светлана Викторовна, когда дочь ушла, и опустившись на диван подумала: – Сначала познакомлюсь с девочками поближе, а потом помогу Светлане решить жилищные и все какие у неё есть проблемы. Для этого я имею возможности и большие. Позже, я отдам им всё, а сейчас мне хочется сделать хоть что-то, чтобы помочь.

Светлана Викторовна была счастлива, что наконец-то у неё появилась возможность компенсировать потерянное время и то, что не смогла дать раньше!

Глава 10

Сегодня первая встреча девочек с новой бабушкой. С бабушкой, о существовании которой они ничего не знали.

Быстро собравшись, Светлана терпеливо ждала, когда дочери оденутся. Сидя на диване, наблюдала, как они готовятся к этой встрече. Встали рано. Прежде чем одеться, перебрали весь гардероб, сустились и волновались. Наконец-то, к назначенному времени, девочки были готовы. Позвонил помощник адвоката и они спустились к машине.

Украдкой поглядывая на дочерей, Светлана видела, как они волнуются, но изо всех сил стараются этого не показывать. Понимая насколько смешанные чувства бушуют в их душах, Светлана улыбалась.

Светлана Викторовна с нетерпением ждала гостей, без устали выглядывая в окна. Увидев, подъехавшую машину, кинулась к двери. Светлана вошла первой, за ней Алёна и Ксюша.

– Золотые мои, – увидев внучек, Светлана Викторовна заплакала и запричитала, как настоящая бабушка, – какие большие, какие красивые!

Она ходила между девочками, глядя их и нахваливая. Наплакавшись, Светлана Викторовна пригласила всех в комнату. Долго разговаривали. Она расспрашивала и расспрашивала внучек. Казалось, что за один день бабушка хочет узнать всё! Девочки с готовностью отвечали на все вопросы и с интересом смотрели фотоальбомы.

– Вы откуда родом? Кто ваши родители? – рассматривая фотографии, в очередном альбоме, спросила Алёна.

Светлана удивилась, что ей не пришло в голову спросить об этом. Ведь родители Светланы Викторовны – её бабушка и дедушка!

– Позже я найду альбом, где фото моих родителей и покажу вам, – обрадовавшись, что её об этом спросили, с готовностью ответила Светлана Викторовна.

– Расскажите, кто они?! – подседа поближе к бабушке и попросила Ксюша.

– Это будет длинная история, – улыбаясь глядя на внучку, сказала Светлана Викторовна. – Если вам интересно, то я расскажу с удовольствием?!

– Да! – сказали все в один голос.

– Слушайте, – удобно устроившись на диване, Светлана Викторовна начала своё повествование. – Как я уже сказала, рассказ будет длинным, потому что история нашей семьи интересная и в то же время трагичная. Моя девичья фамилия – Полиевская. В вас есть частица польской крови, потому что ваш прадед – Александр, мой дед, был поляком. Мой отец – Виктор, погиб в Великую отечественную войну в феврале 1941 года, так и не узнав, что у него родилась дочь, то есть я. Его жена Елена, моя мама, умерла уже давно. Если бы она была жива, когда я родила тебя Светочка, у нас всё было по-другому, а я осталась одна, совсем одна: без жилья, без денег, на улице! – Светлана Викторовна замолчала, поняв, что ни о том говорит, и продолжила рассказ: – Мой дед – Полиевский Александр Дмитриевич был ссыльным каторжным в Сибирь. Приписан к деревне Ояш, Колыванского уезда, Новониколаевской губернии; сейчас Новосибирской области. Он родом из города Каменск-Подольск или Гродно, точно не могу сказать, не знаю, но в памяти о его детстве именно эти города отложились? Он из семьи священнослужителей. Отец Александра – Дмитрий и брат, были священниками, сестра агрономом. Александр учился в семинарии.

Началась революция, и Александр вступил в ряды революционеров. За революционный саботаж был арестован и сослан в Сибирь. В Сибири женился и осел окончательно. Я помню бабу Дуню, Евдокию – это его жена. Она рассказывала, что дед был воспитанным, очень чистоплотным. Её учил и готовить, и правильно, красиво накрывать на стол, и всему прочему. Вос-

питание в семье, и обучение в семинарии, сказывалось. Семья у него, похоже, была не из простых, если он умел лихо орудовать ножом и вилкой!

Погиб Александр в 1922 году, во время Колыванского восстания. Это когда кулаки и белогвардейцы те, кто был против коммунистов, подняли мятеж в Сибири. Они уничтожали коммунистов, активистов и членов их семей.

Дед Александр, был убит с особой жестокостью. Его, и ещё несколько человек, держали в подполе – это как подвал под домом. Пожилая женщина – старуха-кулачка, самолично выколола ему серпом глаза, – Светлана Викторовна замолчала.

Все повернулись в сторону Ксюши. Девочка тихонько всхлипывала. Её так растрогал рассказ, что она не смогла сдержаться.

– Что ты, внученька, Ксюшенька, я тебя испугала?! – взволнованно спросила Светлана Викторовна. – Не плачь, милая, я не буду больше рассказывать!

– Нет, нет рассказывайте, я больше не буду плакать, – вытирая глаза, ответила та. – Если только чуть-чуть.

– Рассказывайте, Светлана Викторовна, Ксюша больше не будет плакать, – сказала Светлана и, подсев к дочери, обняла её. – Правда, дочка?

Девочка покивала в ответ. Светлана Викторовна замерла, первый раз услышав, как дочь обратилась к ней.

– Смотри, Светочка, тебе виднее. Да-к вот, – продолжила она свой рассказ, – в итоге, их всех расстреляли. Баба Дуня с детьми смогла спастись. Их, в своём чулане, спрятала дочка кулака -Арина Речкина. Восстание подавили, но возвращаться бабе Дуне было некуда. Дом, со всеми пожитками, кулаки сожгли. У них остались только: бронзовый крест и две иконы. Это всё, что баба Дуня успела забрать из дома вместе с детьми.

Они какое-то время пытались выжить, но начался голод, тиф и им пришлось уехать в город. Время было страшное! Тиф косил людей целыми семьями, целыми деревнями. Наступила осень. Жить было негде, кормить детей нечем, поэтому баба Дуня и решила уехать. Но один ребёнок заболел и их не пустили на пароход. Ей, с пятью здоровыми детьми, пришлось оставить больную тифом дочку – грудничка. Чтобы спасти остальных детей, баба Дуня пожертвовала одним ребёнком! Девочку звали Дора, Доротея.

После тех страшных событий, у бабы Дуни осталось трое детей. Мой отец был старшим, потом сестра и брат. Только я со всеми потеряла связь. Уже думала о том, чтобы поискать их, но это позже, сейчас для меня главное – вы! Это для меня самое важное в жизни, – Светлана Викторовна замолчала, сделала несколько глотков кофе, и предложила: – Давайте я поставлю чай, кофе, а то всё остыло?

Она поднялась и пошла на кухню так быстро, что Светлана не успела среагировать. Встав, направилась следом за матерью.

– Что стало с той девочкой, с Дорой? – на кухне, наблюдая за быстрыми движениями Светланы Викторовны, спросила она. – Известно хоть что-нибудь? Как её судьба сложилась?

– Я не стала говорить при девочках, – бросила взгляд на дверь и ответила Светлана Викторовна, – Ксюша реагирует очень взволновано на рассказ.

– Она выжила? – переспросила Светлана.

– Нет, Света, она не могла выжить!

– Почему? Что не было никакой надежды?

– Нет! Дело в том, что баба Дуня оставила её на лавочке на пристани.

– Как на лавочке? Одну?!

– Да одну, совсем одну! Она была больна тифом и на пароход не пустили, а до ближайшей деревни полдня пути.

– Баба Дуня смогла оставить грудного ребёнка на лавочке?! Как это возможно?!

– Не суди, Светочка! Что ей оставалось делать? Если бы они остались и не поехали, то умерли все от тифа и голода. Тогда бы погиб не один ребёнок, а шесть!

– Господи, как страшно!

– Ещё как страшно.

– И что, никто ничего не узнал о ней, о её судьбе?

– Света, какая судьба?! Она оставила её на лавочке одну. Голод, тиф, куча бездомных, голодных собак.

– Что?! Вы хотите сказать, что собаки...

– Да! И самое страшное во всей этой истории, что баба Дуня всё видела! Пароходы тогда ходили медленно.

– Как она это вынесла? Как можно было это пережить?!

– На руках у бабы Дуни было ещё пятеро, мал мала меньше.

– Страшно как? – с ужасом проговорила Светлана.

– Представляю, как жила с этой мукой в сердце баба Дуня, – Светлана Викторовна замолчала, глядя куда-то вдаль, потом тихо произнесла: – Я, когда отдала тебя Александру, боялась, вдруг оставит на лавочке. Стояла и караулила, очень этого боялась, – немного помолчав, добавила: – Баба Дуня была крепкая и сильная духом женщина! Вспоминая эту ситуацию, я не раз спрашивала себя, смогла бы я так поступить и знаешь, Света, я ни разу не смогла ответить на этот вопрос, – она разлила чай, кофе и, взяв поднос в руки, повернулась к Светлане, и сделав усилие, чтобы улыбнуться, сказала: – Светочка, давай не будем больше о грустном. Пойдём к девочкам!

Сестры сидели на диване и, перелистывая альбом, разговаривали. Поставив поднос на стол, Светлана Викторовна опустилась на своё место.

– Продолжим знакомство с предками?! – спросила она. – Так, на чём я остановилась? – выдержав небольшую паузу, Светлана Викторовна продолжила: – Дед Александр, после того как его сослали в Сибирь, держал связь с матерью через сестру. Они переписывались, та даже посылки высылала, тайно от отца. Родители, вернее, отец Александра – Дмитрий, отказался от сына и запретил даже упоминать его имя, тем более общаться! Но сестра любила младшего брата и поддерживала с ним связь. Дмитрия можно понять – священник, очень высокого чина, а сын – революционер. Родственники Александра ничего не знают о судьбе изгнанника и его потомках. Точно так же, как и мы ничего не знаем о них. Эту связь уже не восстановить, а ведь где-то есть наши родственники?! Наверняка и у брата, и у сестры Александра были дети, значит, и у меня, и у вас есть братья и сёстры?! – посидев молча, Светлана Викторовна сказала: – Мне, после мамы, достался бронзовый крест и две старинные иконы. Те самые, которые баба Дуня спасла вместе с детьми от пожара. Сейчас принесу.

Светлана Викторовна встала и ушла в соседнюю комнату. Вернувшись, вынесла коробку и поставила на столик перед Светланой. Осторожно вытащила большой бронзовый крест и передала девочкам.

– Вот – этот крест, – сказала она.

– Ого! Какой тяжёлый, – взяв крест в руки, сказала Алёна.

– Да, это – настоящий бронзовый крест! – ответила Светлана Викторовна, вытаскивая из коробки небольшие свёртки, перевязанные ленточками и развязывая говорила: – Здесь иконы. Я перед переездом упаковала их хорошенько, чтобы не повредить. Для меня, это – самое дорогое сокровище! Иконы небольшие, но я вам расскажу очень интересную историю, – вытащив небольшую икону из черной деревянной рамки, проговорила: – Вот смотрите. Икона простая, бумажная. С годами бумага, на которой изображена икона, начала крошиться, и баба Дуня приклеила её на картонку. К тому времени иконка уже была очень старой! Я делала экспертизу. По состоянию бумаги и химическому составу краски, этой иконе несколько столетий! Я найду для вас бумаги, у меня всё сохранилось, позже посмотрите и почитаете, там много интересного.

Светлана Викторовна, осторожно положив на стол рамку, подала икону девочкам. Они, с замиранием сердца, передавали её из рук в руки, разглядывая.

– Рамка сделана позже, чем была написана икона, – вставляя её назад, сказала Светлана Викторовна. – Но она тоже старая. Посмотрите на обратной стороне дощечка держится на гвоздиках. Обратите внимание, гвоздики пирамидальные, это значит – кованые, сделанные вручную. Я хотела сменить рамку, но реставратор сказал, что этого ни в коем случае нельзя делать. Вместе они едины в своей истории происхождения! – пока девочки внимательно рассматривали рамку, Светлана Викторовна вытащила из коробки ещё две иконы. – Смотрите – это вторая икона. История такая: икона упала на пол, уже в моё время, после смерти мамы, и стёклышко разбилось. Я начала ремонтировать. Вынула остатки стекла и вытащила из рамки бумажную икону, аккуратно отделив приклеенные места скальпелем. Это икона Святой Татьяны, – она положила икону на стол перед девочками, сказав: – Я поместила её в отдельную рамку. Она тоже очень старая, смотрите, как крошится бумага, она тоже кем-то, очень давно, отремонтирована. Обратите внимание. На картоне старинный, ещё дореволюционный шрифт. Тогда при написании вместо буквы «Е» употреблялась буква «Ъ». Значит эта картонка ещё из царских времён! Убрав икону «Святой Татьяны», я обнаружила под ней, к моему огромному удивлению, икону семнадцатого века! Это – «Чудотворная икона Божьей матери Избавительница», написанная на ткани, – Светлана Викторовна, повернув икону и показывая пальцем, продолжала рассказывать: – Икона сильно выцвела и изображение не чёткое. Под изображением богородицы и младенца, сделана надпись. В первой строчке написано «Чудотворная икона Божьей матери Избавительница», это я смогла разобрать. Во второй строчке – неразборчиво. Икона выцвела с годами, и шрифт стёрся. Говорят, на иконах не пишут «Чудотворная», а здесь написано и отчётливо читается. О её существовании никто не знал! Эта икона прожила в нашей семье больше ста лет и была спрятана от людских глаз под ликом «Святой Татьяны». Возьмите, посмотрите.

– Девочки, у вас глазки поострее, попробуйте прочесть, – сказала Светлана, внимательно осмотрев икону. – Может быть разберёте, что написано? – обратившись к Светлане Викторовне, спросила: – А от кого вашей бабушке досталось всё это?

– Баба Дуня говорила, что крест и икона Богородицы – её наследство, а «Святая Татьяна» – деда Александра. Зная их историю, я предположила, что, когда он уходил из дома изгнанный, отверженный отцом, мама, моя прабабушка, скорее всего и дала эту икону. Любая мать переживает за своего ребенка, а за изгнанного тем более! Чем ещё она могла помочь сыну, как ни иконой «Божьей матери Избавительницы», чтобы избавить от бед, невзгод и страданий. Я думаю, что и дед Александр не знал о её существовании. Эти иконы и крест я передам вам. Икона обрела семью и должна жить в ней вечно, а вы передадите её своим детям и внукам, сделав наказ – хранить в семье. Эти иконы намолены нашими предками, защитят и избавят нас от бед. Теперь у нас с вами всё будет хорошо, по-другому просто не может быть! – она замолчала, смахнув слезу.

Рассматривая икону, девочки пытались прочесть надпись. Светлана Викторовна принесла им большую лупу. Но надпись была сильно потерта, кромка ткани обремкалась, половина букв просто исчезла. Немного повертев икону в руках и рассматривая её через лупу, Алёна на листочке писала прочитанные буквы, составляя кроссворд из текста. Более получаса девочки расшифровывали надпись, а женщины сидели молча, следя за ними и тихо попивая кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.